

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Советский Союз, последняя из величайших азиатских империй, прекратил свое существование в конце 1991 года. В то время мне было тринадцать лет, я был неуправляемым подростком с волосами до плеч, с большими амбициями и еще большими комплексами, и посему с трудом заканчивал 8 класс школы. Мы с братом играли в индейцев, чертили карты вымышленных островов, иногда дрались со сверстниками, которые слушали группу "Кино" и играли в футбол. И никакого дела нам не было до того, что Союз распался. Если честно, это событие, пережившее всю карту мира, прошло для нас совершенно незаметно.

А вот август 1991 года я помню прекрасно. Папа взял нас с братом в командировку в Саяны, где мы сплавились на плоту из надутых камер по притокам Енисея. Это было мое первое путешествие, и на его фоне меркло все остальное. Про августовский путч помню только, как папа говорил, что мы вовремя прилетели из Абакана, волновался за маму, если она долго не приходила с работы. А лужи на дорожках дачного поселка засыпали не песком, а отстрелянными пулевыми лентами...

Но прошло десять лет, и события далекого 1991 года оказали на мою жизнь самое непосредственное влияние. К этому времени я уже окончил художественное училище, был выгнан за неуспеваемость из педагогического университета и по другой причине - из духовной семинарии. Я успел жениться, работал в школе учителем географии и восстановился на географическом факультете. Но сквозь чехарду этих юношеских метаний шла прочная нить - я путешествовал. Путешествия стали неотъемлемой, если не основной частью моей жизни, и с каждым годом становились все интереснее и рискованнее.

И вот незабвенным августовским днем 2001 года я решил отправиться в Среднюю Азию, в ставшие независимыми республики бывшего Союза. Как положено настоящим путешественникам, я объявил родным и знакомым официальную цель поездки – навестить бабушку, живущую в Алма-Ате. Бабушка была двоюродная, я ее совершенно не помнил, последний раз видел лет десять назад, а в Алма-Ату можно было попасть гораздо более простым способом. Но все же это была цель. Потом, среди бесконечных пыльных дорог Азии я действительно поверил, что еду к бабушке Эрне, и эта вера спасала в минуты отчаяния...

Разумеется, я собирался поехать не один. Уже третье путешествие подряд меня сопровождала жена - Наташа, девушка строгая и решительная. То есть, идеальная подруга для меня - веселого и безответственного. Многие знакомые просто не могли поверить, что настолько разные люди живут вместе уже семь лет. Наталья закончила факультет почвоведения МГУ и училась во втором Медицинском на педиатра, но каникулы старалась проводить со мной в путешествиях.

Лида Апатенкова была младшей сестрой Насти, школьной подруги моей жены, и к началу нашего путешествия в Азию ей едва исполнилось 18 лет. Собственно, в Азию Лида не

собиралась. Они с сестрой должны были отправиться на Курильские острова, на что получили отцовское благословение и приличную сумму денег. Часть этих денег Настя потеряла, справедливо решила, что это Лидина часть, и улетела на остров Кунашир. Предварительно попросив меня взять младшую сестру с собой в какое-нибудь путешествие – чтобы той не было обидно. Надо сказать, что Лиду к тому времени я почти не знал - видел пару раз. И запомнилось мне из этих встреч, что девушка все время молчит. Странная такая девушка, с копной вьющихся рыжих волос, улыбающаяся и молчаливая. Если честно, я просто не знал, о чем мы будем молчать с ней целый месяц.

Надеждой моей был Димка Травушкин, друг Насти и Лиды. Простой русский парень, читающий книжки по складам, но честно заработавший черный пояс по карате. С таким напарником не страшно отправляться не то, что в Среднюю Азию - можно смело гулять по Афганистану и Чечне.

Но за два дня до отъезда Димка сообщил, что не едет - надо было ухаживать за больной мамой. Я решил отменить поездку. Просто потому, что стало страшно, и не только за себя – все-таки я не такой безответственный товарищ, каким иногда кажусь. Наталья же откровенно назвала меня трусом и заявила, что не позволит испортить ей каникулы. В результате через день мы стояли на платформе в ожидании поезда, который должен был доставить нас в Астрахань – начальный пункт путешествия по загадочной Азии.

САД С ЛОТОСАМИ

Азия началась на Павелецком вокзале, разноязыкими волнами обрушиваясь на плацкартный вагон с покосившейся табличкой «Москва-Астрахань», оттесняя в темноту и будто в другое измерение пришедших проводить нас Димку Травушкина и Лидинога отца.

Поезд катил по степи, цыганки поили кричащих грудных детей пивом, и те сразу засыпали. Напротив тараторила и улыбалась пожилая казашка; рассказывая про родной город Атырау, она в скороговорке упустила «ы» – Атрау, Атрау, Атрау...

Старая ханская ставка встречала безоблачным синим небом, обжигающим дыханием раскаленного асфальта и воробьями, купающимися в дорожной пыли. Я не был в Астрахани два года. Автовокзал перебрался из старинного городского собора к станции, что гораздо удобнее, а по свежим желтым лесам храма, как муравьи, ползали реставраторы.

Вещи мы оставили в правлении Всероссийского общества глухих у двух милых гостеприимных женщин, они же и подсказали, где можно увидеть цветущие лотосы – розовый жемчуг Астрахани. Мы отправились на окраину города, где вдоль одного из бесчисленных рукавов Волги тянулись высокие серые заборы. Лаяли собаки, немилосердно жгло полуденное солнце, да поднимали пыль случайные прохожие. Постучали в одни ворота, в другие – никого.

Наконец, из-за облезлой калитки вышел дед, вокруг которого вертелась и тьякала непонятной породы собачонка.

-Здравствуйте, можно у вас лотосы посмотреть?

Дед окинул нас недоверчивым взглядом, но потом, будто смягчившись, бросил:

-Ну, отчего же не посмотреть, коли растут... заходите, ладно...

И, шаркая тапочками, он повел нас вглубь сада, к дому на берегу протоки.

«Истина – в цветке лотоса...» - произнес когда-то Будда Шакьямуни. Легендарные розовые цветы благоухали над мутной водой, и капли блестящими шариками скатывались с огромных листьев, каждый из которых, казалось, мог выдержать вес трехлетнего ребенка. Я фотографировал, а девчата, как замороженные, ладошками зачерпывали воду, лили ее на листья лотосов и смотрели на игру жемчужных капель.

Потом мы сидели на открытой веранде, любовались цветами и пили волшебный чай из лепестков лотоса, заваренный гостеприимной хозяйкой Верой Алексеевной. Много нового узнали мы о целебных свойствах лотоса – как «научных», так и совершенно мистических. Например, если собрать 40 семян из коробочек лотоса и сделать из них бусы, то, пролежав в земле три месяца, они обретут целебную силу и будут излечивать 40 болезней. Если же бусы утратили свои магические свойства или вы собираетесь их кому-то подарить – еще три месяца они должны провести в матушке сырой земле...

Чай из лепестков лотоса, который мы пили, слушая эти истории, также помогает от разных болезней, возвращает утраченные силы и молодость.

Хозяин дома, Павел Андреевич, тоже оказался не простым фермером, выращивающим лотосы, а специалистом по древнехристианской литературе – он редактировал многие современные религиозные издания, частыми гостями в его доме были известные митрополиты, епископы... Конечно, речь зашла и о страшном суде, который скоро грянет, и о разделении людей на Воинов Христа и Антихриста – последние, по словам хозяина, все меченные, то есть с татуировками (тут я обрадовался, что отказался купаться в мутной протоке – а то с языческим богом на плече сразу был бы причислен к посланцам Сатаны).

Помимо Апокалипсиса, старики жаловались и на житейские проблемы – дачу постоянно обворовывают, соседи помешались на показе лотосов туристам за деньги, и на почве конкуренции ночами скашивают друг у друга прекрасные цветы...

- Узнают, что вам лотос показывали – и у нас покосят, - сокрушался Павел Андреич, - если соседи спросят, говори, что родня, из Москвы...

Хозяева попросили посмотреть в Москве книгу «Лотос – цветок жизни» издания конца XIX века. Они ее видели, но не успели переписать – говорят, только там истина о целебных свойствах цветка.

Мы поблагодарили за гостеприимство, Павел Андреевич проводил нас до скрипящей калитки, и мы снова оказались на пыльной астраханской улице – сад с лотосами превратился в первую сказку Востока...

МЕНТЫ

На маршрутке вернулись за рюкзаками, и за оставшиеся до поезда три часа решили осмотреть Старый Город. По дороге купили знаменитый астраханский арбуз немалого размера, который должен был скрасить посещение Кремля моим спутницам – увы, обе девушки не любили и не знали истории!

На центральной площади искрились на солнце фонтаны, в которых спасались от жары местные пацаны, подъезжали автобусы с туристами и гуляли праздные жители города. Наташка ринулась было нырнуть в фонтан, от чего я ее с трудом отговорил – пришлось им с Лидой ограничиться брызганьем друг на друга и на меня водой.

- Здравствуйте, молодые люди! Проверка документов! – к нам подошли два милиционера, откозыряли и стали копаться в паспортах.

- Та-ак, москвичи, значит? Когда приехали? - улыбнулся молодой и тощий мент (толстый и старый стоял сзади и тяжело дышал от жары – их что, специально такими парами запускают, как в мультфильмах?)

- Сегодня, утренним поездом, - я улыбнулся в ответ и старался держаться как можно непринужденней, - мы у вас проездом, через пару часов уезжаем в Казахстан...

- Ага, ага.., - милиционер посмотрел на билеты, потом на своего напарника, - Нарушение паспортного режима. Пройдемте с нами! – и, не выпуская наших документов из своих цепких рук, пошел в сторону милицейской будки. Толстый и старый милиционер затопал вслед. Все мои заверения о том, что мы только приехали, что билеты из Москвы просто забыли взять у проводницы, не производили никакого эффекта. В участке нас передали начальнику, который начал с того, что потребовал показать содержимое наших рюкзаков. Столь жесткие меры он объяснил тем, что, мол, Астраханская область – это почти Чечня, повсюду террористы, и мы, видимо, из их числа. Обыскивал нас все тот же молодой милиционер – сам дагестанец, похожий на террориста.

Милиционеры и менты все разные профессии. Мы, к сожалению, столкнулись с последними, глупость которых уже давно стала легендой. Но когда встречаешься с ней воочию, удивлению нет предела. Например, только менты могут принять баллоны газовой горелки всемирно известной фирмы «Сamping Gaz» за взрывное устройство. Только менты могут назвать маленький перочинный ножик холодным оружием. И, наконец, только менты принимают сухое молоко за героин.

- Так, а что это у вас за белый порошок в бутылке? – к этому моменту менты достали меня уже настолько, что я решил издеваться над ними – все равно паспорта нам не отдавали, на поезд мы опаздывали – так хоть время весело проведем.

- Порошок? А, так это героин! – небрежно бросил я, и все менты в участке молча повернулись к нам с настороженно-удивленными лицами, а я продолжал, обращаясь к нашему дагестанцу, - Нет, ну вы попробуйте, может и правда героин?

И тут произошло нечто ужасное – мент отвернул крышку пластиковой бутылки, наклонявил палец, макнул его в неизвестный белый порошок и облизнул!

- Не-ет, это сухое молоко, я сам в школе в походы ходил, помню, - и мент заулыбался белой дагестанской улыбкой.

«Ну-ну, улыбайся, профессионал чертов, - думал я, - если бы ты сожрал такую дозу героина, одним тупым ментом стало бы меньше...»

Однако после этого инцидента отношение к нам несколько изменилось – каким-то неизвестным криминалистике способом менты поняли, что с нами можно договориться. Дагестанец, Толстый и еще один сержант позвали меня «поговорить». Суть их речей сводилась к тому, что если дать делу ход, везти нас в паспортный стол, и т.д., то на поезд мы точно не успеем. А вот если делу хода не давать, а дать каждому из них по 50 рублей, то все будет о-кей. И вот в темном астраханском переулке, у заброшенного дома, я передал ментам деньги, а они мне – паспорта и билеты, после чего мы в разное время вернулись в участок. Я подмигнул своим девушкам, мы подхватили рюкзаки, и наконец оказались на свободе.

История с ментами нас многому научила, и я даже был благодарен «серым братьям» – ведь Астрахань испокон веков была воротами в Среднюю Азию, где к законам всегда было странное отношение, и подобная подготовка была просто необходима. Как показало время, я оказался совершенно прав – астраханские менты в сравнении с азиатскими пограничниками и стражами правопорядка казались чуть ли не полисменами Скотланд-Ярда...

Освободившись, мы упрямо направились обратно в Кремль, где, уютно устроившись на скамейке под раскидистым тополем, съели сладкий арбуз, который вместе с нами еще недавно подвергался обыску (а вдруг внутри динамит?). Арбуз поднял настроение, и мы принялись осматривать достопримечательности.

Астраханский Кремль, построенный в 15 .. году Иваном Грозным, неплохо сохранился. Чем-то напоминает московский, только лучше передает ощущение старины – деревянные крыши, сад внутри, общая заброшенность – будто ты не в городской крепости, а в далеком провинциальном монастыре. А самое красивое сооружение – огромная надвратная церковь с часами-курантами, одна из самых высоких в России.

Мы зашли в церковь. Сейчас службы идут только в нижнем этаже, бывшем церковном подвале – парадная верхняя часть еще на реставрации. Я поставил три свечи за предыдущее

путешествие на велосипедах по Центральному Кавказу – видимо, только вмешательство Господа трижды спасало нас тогда.

Из храма отправились на берег Волги, посмотрели старый город, прикупили продуктов в дорогу и, добравшись до вокзала, стали ждать поезд.

ДОЛГАЯ ДОРОГА В АТЫРАУ

С самого начала меня несколько смутило то количество пассажиров, которые ждали поезда до Атырау – бесчисленные толпы казахов и русских с огромными сумками в красно-синюю клетку, в которых перевозят товар челноки всего СНГ, заполнили всю платформу. Мы поспешили пройти поближе к нашему вагону, ожидая столпотворения, которое не замедлило начаться, как только объявили посадку.

Заняв последнее купе, мы с ужасом обнаружили, что рюкзаки положить некуда – все места для багажа были забиты упаковками «Очаковского» пива, которое проводники контрабандой перевозили в Казахстан. В углу сидела торговка, забившись в самую тень, дабы не быть замеченной ментами, которые проверяли состав и силой выпихивали безбилетников. Проверив наши билеты, страж порядка обратился к женщине.

- Ой, ну что же такое делается, а! Сейчас подруга моя принесет билеты, она опаздывает! - тетка причитала довольно искусно, но и мент был не лыком шит – он стал выталкивать ее вместе с сумками к выходу. Тут он заметил еще одну торговку, спрятавшуюся за баулами.

- Предъявляем проездные документы, гражданка!

- Нет билетов, ну нету! Не успела купить! – женщина смело смотрела в глаза стражу порядка, одновременно принимая защитную позицию и удерживая свои баулы. Однако на мента неожиданно снизошел дар пророчества, и он начал пафосно вещать, уперев указательный палец в грязный потолок вагона:

- Вот, видишь, она – честная женщина! – он обращался к первой торговке, - она призналась что у нее нет билета, честно призналась, и поэтому она поедет дальше, а ты нет! Потому что ты меня обманывала, и вы все всегда обманываете! - с этими словами милиционер продолжал выталкивать причитающую и упирающуюся торговку к выходу.

Пораженные местным правосудием, мы тихо наблюдали из своего купе, как постепенно наполнялся наш вагон – наполнялся сверх всякой меры. Под конец в него забились все, кто хотел уехать – в том числе торговка, которую столь торжественно выпроваживал страж законности.

Наконец, поезд тронулся, последний русский город остался позади, а за окном потянулся однообразный пустынный ландшафт. Стемнело. На пограничной станции Аксарайская поезд простоял часа три, пока шла проверка документов и багажа – кстати, весьма поверхностная.

Вернее, настолько поверхностная, что мы не видели ни таможенников, ни пограничников. Поэтому спустя несколько дней искренне удивлялись, когда с нас требовали таможенную декларацию, которую мы должны были получить на границе, в поезде.

Все это время нас не оставлял толстый и пьяный казах-проводник, убеждая купить постельное белье. Пользуясь спальными мешками, мы вовсе не собирались тратить деньги на белье, которое, как и весь поезд, вызывало сомнения в гигиенической безопасности. Но проводник, увидев, что мы единственные русские в вагоне, решил сорвать свой куш. Он кричал, угрожал, продавал белье комплектом и по частям – в общем, восточный базар на колесах. Избавил нас от этого представления его напарник, буквально силой утащивший своего пьяного коллегу.

Порядком устав от приключений в Астрахани, мы решили выспаться в поезде. Больше всех повезло Лиде – она заняла верхнюю полку и спокойно проспала до самого Атырау. Зато мы с Наташкой познали все прелести ночного «восточного экспресса». Где-то около часа ночи я услышал странное протяжное пение и почувствовал, что на моих ногах кто-то сидит. Открыв глаза, я увидел что в наше купе набилось шесть человек. Особенно выделялся казах в белой рубашке и в галстуке – на вид ему было лет сорок, он сидел скрестив ноги на Наташкиной полке, а в руках держал странный музыкальный инструмент. Увидев, что мы проснулись, казахи почему-то радостно заулыбались и затараторили по-своему. Мы же, как это ни странно, их радости не разделяли, а Наташа даже попыталась выразить протест: что, мол, делает толпа людей ночью не на своих местах? Но в ответ получила только ослепительные белые улыбки (сразу добавлю, что в поезде света не было и дело происходило почти в полной темноте) и «утешительные» поглаживания и похлопывания по разным частям тела. В результате Наташа отвернулась к стенке, свернулась калачиком и пыталась ни на что не обращать внимания. Внимание же казахов переключилось на меня:

- Э-э, слушай, куда едешь, а? – казах в белой рубашке улыбался, и улыбались все его попутчики.

Надо сказать, что по частоте и бессмысленности улыбок Средняя Азия не уступает даже Соединенным Штатам. Здесь тебе улыбаются, когда пытаются всучить дрянной товар, обсчитать, занять твое место, отправить за решетку и, наконец, потому что ты им просто понравился. Я в двух словах рассказал заготовленную версию о цели нашего путешествия – мол, едем к бабушке в Алма-Ату, сто лет не виделись, да и мама у меня в Казахстане родилась, и вообще к казахам у нас самое прекрасное отношение. Казахи заулыбались еще больше, а главный неожиданно заиграл и запел заунывно-протяжную песню. Инструмент, на котором он играл, назывался домбра и представлял из себя полусферу размером с дыню с очень длинным грифом и двумя струнами. Заметив мой интерес, музыкант протянул мне домбру, улыбнулся и попросил:

- Слушай, друг, сыграй нам что-нибудь русское!

- Ты дай мне что-нибудь русское, я и сыграю что-нибудь русское, - ответил я, но казахи не отставали, и мне пришлось играть. Получилось нечто среднее между соло на бас-гитаре и настройкой контрабаса, но казахи дружно хлопали и подпевали – тут только я заметил, что они явно не в себе – то ли пьяные, то ли обкуренные (последнее подтвердилось впоследствии). Скоро, однако, главному все это надоело, он забрал у меня дутар и стал играть сам.

Поезд летел по ночной пустыне, я сидел поджав ноги в углу своей полки, ничего уже не соображая от желания заснуть, а вокруг разговаривали, пели и смеялись также ничего не соображающие обкуренные казахи.

Наконец, не выдержала Наташка. Она довольно резко и прямо попросила освободить купе и угрожала пожаловаться проводнику. Казахи слащаво заулыбались и стали ее успокаивать:

- Э-э, девушка, зачем так, а? Сейчас приедем уже, в Атырау приедем, зачем так нервничать, а?

Кстати, когда Наташа села на полке, чтобы произнести гневную речь, казахи резко потеснились и в купе появился еще один человек. И вообще любое наше движение в попытке устроиться поудобнее (вернее, принять положение, в котором еще хоть как-то можно заснуть), воспринималось как желание уступить место. В результате в купе ехало уже одиннадцать человек, и единственным утешением могло быть то, что в некоторые вагоны набилось еще больше людей.

Наконец, в 4 часа утра, поезд подошел к долгожданной станции Атырау. Мы распрощались с милыми попутчиками и вышли в прохладу азиатского утра. Здесь выяснилось, что за время пути у Наташки украли косметичку (в которой находилась расческа и тюбик шампуня), и что Лида проспала все самые интересные события.

ГОРОД В ПУСТЫНЕ

Низкий прозрачный туман стелился вдоль трассы, ведущей на окраину города. Хотя окраины у Атырау не было. Город словно таял в пустыне – у него не было ни границ, ни своего лица. Атырау. Город-призрак в пустыне. Унылые ряды стандартных панельных коробок советского периода, вытопанные до блеска и покрытые пылью двory, редкие пожухлые деревья, сухая трава.

Остановились перекусить около закрытого ларька, разложив остатки продуктов на покосившемся деревянном столике. За спиной высились серые дома, а вокруг тянулись пустыри, однообразные, покрытые корками глины, теряющиеся за окоемом в рассветной дымке. Поднимающийся ветер шелестел под ногами обрывками пакетов и перекатывал в пыли смятый окурок.

Едва мы начали есть, как Лида заметила крошечного щенка – еще полуслеплого, не умеющего толком стоять на ногах. О завтраке на время пришлось забыть – Лидка возилась с

малышом, пытаюсь накормить его кусочками колбасы, но щенок был еще слишком маленьким для столь грубой пищи. Пришлось купить молока и выкармливать щенка с помощью размоченного в нем хлеба. С огромным трудом мне удалось уговорить совершенно потрясенную Лиду оставить щенка на попечение местных жителей, а не возить с собой по всей Центральной Азии.

Солнце быстро поднималось, и от утренней прохлады не осталось и следа. Появились первые горожане. На мой вопрос, какие достопримечательности есть в Атырау, пожилая женщина только удивленно пожала плечами и посоветовала сходить на реку Урал.

Урал я себе представлял как мощный поток, гордо несущий свои воды к Каспию. Поэтому мутная неширокая речка в глинистых берегах вызвала только разочарование. На берегу знаменитой реки росли лопухи, паслись коровы и доживали свой век брошенные автомобили. Стало вдруг бесконечно жаль Чапаева, и вообще Атырау наводил на грустные мысли. В центре города – мертвый, выжженный солнцем бетонный лабиринт. На окраинах – помойки, грязь, какие-то жалкие лачуги с лоскутами вспаханной земли (видимо, в попытке заняться земледелием).

Но делать было нечего, мы гуляли по городу, сидели на лавочках в единственном парке на берегу Урала и пили «Пепси». Запомнился городской ЗАГС, стоящий на углу одной из центральных улиц. Большой, яркий и красивый. Когда молодая пара заходит в него, им кажется, что начинается новая жизнь – такая же красивая, яркая, интересная, наполненная счастьем и цветущими садами, раскинувшимися в пустыне. А когда они выходят... Когда они выходят, ветер по прежнему гоняет мусор по пыльной улице, унылыми рядами стоят серые коробки домов и прячутся от палящего солнца в тень редкие прохожие.

На другом берегу Урала расположился дворец, в котором размещалось городское управление. Белокаменный, увенчанный голубыми купалами с развевающимся голубым казахским флагом. Как оказалось, такие постройки появились во всех крупных казахских городах после провозглашения независимости, а голубой – национальный цвет казахского народа, символизирующий величие Неба и чистоту души. Поэтому все поезда «Казакстан Темир Жолы», казахских железных дорог, перекрашены в голубой цвет.

Мы вдоволь нагулялись по однообразным улочкам Атырау, отведали местной кухни – манты и плов с зеленым чаем, и снова оказались на вокзале, где нас уже ждал поезд до следующего пункта путешествия – города Бейнеу.

В БЕЙНЕУ!

Загружаясь в общий вагон местного поезда «Атырау-Бейнеу», я был суров и полон мрачных предчувствий. Но, к счастью, все устроилось наилучшим образом – проводницей в вагоне была русская волевая женщина, которая разместила всех по своим местам, «зайцев» не подсаживала, и вообще «поддерживала в вагоне чистоту и порядок». Поэтому до Бейнеу доехали

с максимальным для азиатских дорог комфортом, и глубокой ночью оказались на этой затерянной в песках станции.

Пожалуй, нигде Азия не оказывала на меня столь шокирующего воздействия, как на станции Бейнеу. Станция представляла из себя огромный кишаций муравейник – тысячи людей сновали туда-сюда с мешками и коробками, в призрачном свете фонарей мелькали халаты и тюбетейки. Прямо на платформе шла бойкая торговля – возвышались горы дынь, арбузов, черного жемчуга винограда, всевозможные тряпки и посудины. Рядом лежали, спали, разговаривали казахи и узбеки, везде бегали и орали дети, огромные семьи из 10-15 человек сидели вокруг костров, жгли ящики и варили чайфирь в мятых и закоптелых алюминиевых чайниках. А над всем этим Вавилоном спокойный женских голос по-казахски объявлял прибытие и отправление поездов, отправлял куда-то нерасторопных рабочих, переводил стрелки путей и зажигал семафоры...

Не знаю, как долго простояли мы так – странные белые люди со странными рюкзаками, окруженные разноязыким азиатским морем, но в итоге все же выбрались из толпы и оказались в здании вокзала. Вокзал оказался довольно чистым и пустым – были даже свободные места в зале ожидания. Но вскоре мы поняли, что долго находиться внутри просто невозможно из-за страшной жары, духоты и своеобразного запаха. Ночевать решили, как местные жители, под открытым небом – нашли свободный угол, достали коврики, спальные мешки, и легли спать.

Это была наша первая ночевка в пустыне под открытым небом – огромный звездный купол успокаивал, уносил мысли вдаль, от вокзальной суеты и шума - в мир караванов, исчезнувших в песках, в мир пророков и отшельников, ищущих истину, в мир поэтов и воинов, воспевающих томных красавиц, укрытых паранджой от постороннего взгляда...

Разбудила нас через пару часов необычная суета, крики и толкотня – люди хватили коробки, сумки, детей и бежали в здание вокзала. Спросонья могло показаться, что сейчас из мрака пустыни вынырнут воинственные кочевники. Но кочевников не было – была странная желтая полоса на горизонте, закрывшая нижнюю часть неба. Я сначала не понял, что это, но когда поднялся ветер и на зубах закрипел песок, меня словно ударило: песчаная буря! Я испытывал странную смесь восторга и страха – зрелище было поистине завораживающее. Желтая туча закрыла уже почти все небо, ветер ревел, неся песок, и засыпал наши спальники. Вскоре буря накрыла станцию окончательно – все превратилось в желтую круговерть песка, обрывков бумаги и пакетов. Уши, волосы, глаза – все было в песке. Тут только мы очнулись и поняли, что остались на платформе одни, потерянные, наполовину засыпанные песком. Сгибаясь под ураганным ветром, схватили вещи в охапку и мелкими перебежками добрались до спасительного вокзала, на этот раз просто набитого битком.

Песчаная буря закончилась так же неожиданно, как и началась, и мы вслед за остальными выбрались на платформу, засыпанную песком, где и проспали до самого утра.

Утром, за час до отхода нашего поезда, вскипятили воду на газовом примусе, немало поразив этим агрегатом местных жителей. В поезде документы и билеты проверяли не только проводники, но и молодые ребята в песчаном камуфляже – узбекские пограничники. Через несколько часов мы должны были пересечь границу со следующей республикой Средней Азии – Узбекистаном.

КУНГРАД

Неудобно устроившись на неудобных боковых полках, мы тащились по пустыне со скоростью электрички, останавливаясь на каждой станции. Станции представляли из себя хибары либо юрты в пустыне, рядом обычно возвышалась цистерна с водой, паслись овцы и верблюды. Я невольно вздрагивал, когда видел, как люди выходили на таких полустанках и таяли в мареве раскаленной пустыни. А в поезд садились другие – тоже с мешками, коробками, овцами. Один раз набилось человек сорок – в переполненном вагоне пели, плясали, играли на дутарах, домбрах и потрепанном баяне – праздновали свадьбу, ехали регистрироваться в ближайший поселок. Посмотрели бы наши капризные невесты, которым то жарко, то неудобно в шикарных «Лимузинах», как добираются до ЗАГСа в Средней Азии – невеста в белом платье, жених в элегантном костюме, а вокруг – торговцы, бродяги, солдаты, и все это в переполненном общем вагоне при жаре в 35 градусов. А жених с невестой пели, смеялись и весело выгрузились на следующей станции, где их уже ждала огромная толпа друзей и родственников.

Но в поезде свободнее не стало. Особенно досаждали торговцы, которые ходили взад-вперед по составу, предлагая всевозможные товары и услуги – причем предлагали громко и навязчиво. На станциях к ним присоединялись уличные торговцы, в основном мальчишки, которые пихали воду, сигареты, хлеб прямо в окна вагонов, из-за жары постоянно открытые. Спать или читать было просто невозможно – нескончаемым потоком шли продавцы, громко выкрикивая стандартные фразы: «Минералка бар! Минералка бар! Нан бар! Нан бар! Газли су! Газли су бар! Минералка бар! Минералка бар, дарагой! Десять сум! Бери, холодная! Из России едешь? Ай, молодцы! Минералка бар! Нан бар! Нан бар!»

Носили не только минеральную воду и хлеб – можно было приобрести пирожки, копченую рыбу, горячий плов. Узбекский плов мы решили попробовать – женщина сняла тряпки с огромного кана, положила нам плов в пиалы и ушла, сказав, что вернется за посудой. Плов оказался весьма вкусным, испортило аппетит лишь одно – когда вернулась наша хозяйка, она взяла у нас пиалы, протерла подолом фартука и положила в них плов следующим покупателям. Мы переглянулись – интересно, сколько людей до нас ели из этих чашек, и как в Узбекистане борются с эпидемиями?

Около границы поток торговцев несколько иссяк, но появилась другая напасть – пограничники. Так как мы были единственными русскими в вагоне, а может и в поезде,

погранцы подходили сразу к нам, улыбались, и просили показать документы. Документы они забирали и уходили в неизвестном направлении. Через какое-то время возвращались, снова улыбались, и просили показать вещи – но не на виду у всех, а в купе проводников. Я брал рюкзаки, нес их к проводникам, доставал наши шмотки и показывал пограничникам – они смотрели, улыбались и придирались к каждой вещи, требуя уплаты штрафа. Я тоже улыбался, объяснял им назначение предметов, и штраф платить отказывался. Когда же они захотели изъять фотоаппарат, мотивируя это тем, что в Исламской Республике Узбекистон фотографировать запрещено, терпение мое лопнуло – я доходчиво объяснил ребятам, что Узбекистан еще не исламская республика, а мы – известные российские путешественники, и показал бумагу с гербовыми печатями и нашими фамилиями. Погранцы прочли, переглянулись, и попросили проводника выйти и закрыть дверь.

«Понимаешь, у нас такой обычай, - начал старший, - пограничникам подарки дарить надо!»

Младший кивал и улыбался. Я тоже кивнул, улыбнулся и достал... свои книги! Объяснив ребятам, что я знаменитый русский поэт, путешественник и друг узбекского народа, я с важным видом подписал дарственную надпись узбекским пограничникам и вручил им свои произведения. Они зашептались, сопоставляя фотографию на обложке с моим лицом и фамилию автора с фамилией в моем паспорте, потом дружно улыбнулись, с уважением пожали мне руку, похлопали по плечу и отпустили, даже не осмотрев до конца рюкзаки.

Я с облегчением вздохнул – граница осталась позади, и мы могли спокойно ехать до Кунграда. Но не тут-то было! Пограничники и таможенники появлялись каждые два–три часа, все время разные, и все обыскивали вещи, придирались к моему советскому паспорту и требовали денег. Я уже просто не мог собирать и разбирать рюкзаки, пред глазами плыли вещи и узбекские улыбающиеся лица, убеждающие меня, что надо дарить подарки, а пограничники все приходили и приходили. Даже узбеки, ехавшие рядом с нами в поезде, возмущались такому геноциду и произволу. Зато я почувствовал, каково азиатам или кавказцам на улицах Москвы, когда тебя задерживают только по национальному признаку. Ну и конечно, я раздарил огромное количество своих книжек – так что не удивлюсь, если я теперь не русский, а узбекский «известный поэт».

Вечером поезд подошел к станции Кунград. Мы вышли из вагона. Огромное красное солнце медленно погружалось в пустыню, превратив небо в полотно из розовых и зеленых полос. На площади за вокзалом суетились люди, водители автобусов зазывали пассажиров, гудели отъезжающие маршрутки. Но мы не спешили. Мы знали свою судьбу. И мы не ошиблись – через всю площадь к нам уже спешили двое узбекских ментов, в белых рубашках и фуражках, как в Советской России 30-х годов.

Тут уже я не выдержал, улыбнулся первым, и опережая вопросы, показал документы и билеты. Для проверки багажа нас отвели в отделение милиции, где допрос вел довольно милый и образованный узбек – как оказалось, сам в прошлом учитель литературы. Все сотрудники были

очень обходительными и вежливыми, но все равно нам пришлось написать по странице объяснений, кто мы, откуда и что делаем в Узбекистане. Как объяснил нам мент-литератор, все эти проверки связаны с грядущим 10 сентября - Днем Независимости Узбекистана. В стране действуют ваххабитские группировки, совершившие теракты в Ташкенте и других городах, поэтому проверяют всех – особенно иностранцев, возможных сообщников террористов. Я заметил, что мы не очень-то смахиваем на бандитов, он согласился, но все равно продержал нас еще два часа, выполняя все необходимые формальности. Зато мы теперь были зарегистрированы в городе Кунграде и могли беспрепятственно передвигаться по его территории.

Покинув гостеприимных ментов, мы пошли на городской базар, который работал, несмотря на поздний час. Надо заметить, что Узбекистан – одна из самых дешевых стран мира. С нашими рублями мы чувствовали себя миллионерами. Курс узбекского сума к рублю – 100 к 3, а килограмм отборного винограда стоит 150 – 200 сум, нан (хлебная лепешка) – 50 сум, а ночлег... Но о ночлеге – подробнее. На базаре мы узнали, что недалеко можно снять комнату, и отправились по адресу. Дом был окружен глухой глиняной стеной с большими деревянными воротами. Я постучал. Подошла женщина, я объяснил ситуацию и попросился на ночлег. Она кивнула и пригласила меня войти. Замечу – меня одного. Лида и Наташа ждали за воротами, и с ними никто не вел никаких деловых переговоров, так же и пограничники с милицией общались в основном со мной – традиционно женщина на Востоке никакими правами не обладает.

По краю дома шла деревянная веранда, кухня находилась на улице. Посреди двора на большом ковре сидела вся семья – человек десять, среди них и хозяин, пожилой крепкий мужчина. За ночлег он попросил 200 сум с человека – и мы могли пользоваться душем, кухней, и спать в отдельной комнате. Я тайно ликовал – шесть рублей с носа! В России давно уже не осталось таких смешных цен. И если в поезде я чувствовал себя униженным иноземцем, то сейчас понял радость европейца или американца в России с их валютой – жизнь становится практически бесплатной.

Правда, радость наша несколько поостыла, когда мы увидели свою комнату – маленькая глиняная клетушка, крошечное окно, выходящее на стену соседнего дома, грязные матрасы на полу которые, казалось, только встряхни – и ползут известные насекомые... Но – что делать, пришлось устраиваться на ночлег. От матрасов мы отказались, постелив вместо них туристические коврики и спальники, освободив центр комнатки для «стола», за которым и подкрепились купленными на базаре фруктами.

Следующим удобством в нашем «звездном» отеле был душ – шаткая постройка на окраине двора, напоминающая наши деревенские туалеты, с прогнившим полом и железным баком на крыше. «Удобство» заключалось в тоненькой струйке теплой воды, под которой, уже в полной темноте, боясь провалиться в дырки на полу, мы мыли свои уставшие тела.

Пока девчонки мылись, я поговорил с хозяином. Он с грустью вспоминал «старые добрые советские времена», сетовал, что не может сейчас позволить себе поехать в Москву.

- А раньше в Москве бывали? – спросил я.

- Бывал, бывал, – он благодушно улыбался, вспоминая что-то хорошее. – Красивый город, большой. Я сам-то в армии в Подмоскowie служил, но нас в Москву на экскурсию возили, показывали.

Он снова задумался, улыбаясь чему-то своему, и затянулся сигаретой.

- Раньше хорошо было. А теперь что? Теперь дом сдаю торговцам с базара, тем и живу.

Он еще долго вспоминал СССР, дружбу народов и свою службу в армии. Вообще многие пожилые люди в Средней Азии ностальгируют по Союзу, как, впрочем, и наши отечественные старики.

Переночевали мы спокойно, и рано утром отправились на поиски местного бассейна – девушки, разочарованные душем, непременно хотели искупаться. Но – увы! Пустыня есть пустыня – бассейн в Кунграде не работал. Побродив еще какое-то время по парку, существующему только за счет постоянного орошения, мы добрались до автовокзала, откуда ходили автобусы до города Муйнак – бывшего порта на берегу Аральского моря...

НА БЕРЕГУ МЕРТВОГО МОРЯ

Мы сидели на полу автобуса, заваленные рюкзаками и сумками, и медленно приближались к Муйнаку. Автобус катил по пыльной дороге, раскаленное добела солнце жгло немилосердно, и к металлическим деталям даже внутри нельзя было прикоснуться. Ветер, врывающийся в открытые люки на крыше, не освежал, а смешивал пыль с потом на лицах измученных пассажиров. В шуме и давке мне все же удалось поговорить с учителем из Кунграда, который вместе с женой ехал к родственникам в Муйнак. Молодой парень недавно закончил педагогический институт и преподавал русский и узбекский языки в средней школе. Он рассказал о Каракалпакстане – своей родине, самой нищей части Узбекистана, и пожаловался на жизнь – мол, учителям совсем мало платят. Я его утешил, сказав, что в России наша профессия тоже далеко не денежная. Но все равно – я зарабатывал в месяц примерно 100 долларов, а он – 10...

Наконец, мы вышли из автобуса, распрощались с попутчиками и остались одни на выбеленной солнцем площади. Жажда мучила нестерпимо, и мы зашли на расположенный напротив базар. Наташка увлеклась выбором сочных фруктов, а я... Я вдруг заметил среди узбеков белого человека!

Правда, это был странный «бледнолицый» – длинный, худой, с нелепой бородкой, в шортах, крутых ботинках и тубетейке.

«Иностранец...», - подумал я, и не ошибся – скоро к нему подошли еще четверо, в том числе две женщины, столь же нелепо одетые. Здесь замечу, что мы по стилю одежды мало отличались от местных жителей – я был в штанах и футболке, девушки – в платьях, чтобы не

смущать обнаженными ногами правоверных мусульман. Правда, вскоре мы убедились, что Узбекистан – не ортодоксальная исламская республика, и тоже стали носить шорты.

- Hi! How are you? – произнес я первую пришедшую на ум фразу из своего небогатого словаря. Но, к моему изумлению, мне ответили на столь же ломаном английском – общий смысл фразы сводился к вопросу «откуда мы?»

- Russian! From Moscow! – я блистал своим английским, и с грехом пополам понял, что ребята – итальянцы из Милана. Дальше языковой барьер оказался сильнее моего желания поговорить с братьями-европейцами, и я позвал Наташку, которая стала нашим переводчиком.

Мы узнали, что они путешествуют по всей Центральной Азии, уже побывали в Пакистане, а сейчас хотят посмотреть на Аральское море – вернее, на то, что от него осталось. У них нанята машина – микроавтобус с водителем, и они приглашают нас присоединиться к ним после обеда.

Yes!!! Об этом мы могли только мечтать! Мы поблагодарили наших новых друзей и расстались на пару часов – они поехали отдыхать в отель, а мы сели перекусить под деревом на окраине поселка.

На перекус мы купили большой арбуз, решив утолить голод и жажду одновременно. Я достал свой походный нож, который просто каким-то чудом не изъяли пограничники, и арбуз, хрустнув, развалился на две половины, открыв сочную сахарную мякоть. Мы были столь увлечены разделкой арбуза, что не заметили, как нас окружила стайка детей – человек десять, босых, ободранных. Они сначала издали смотрели, как мы едим, ложками вытаскивая сладкую мякоть, а потом один, самый смелый, подошел и что-то спросил по-узбекски. Я не понял. Тогда подбежали остальные, стали наперебой верещать и тыкать пальцами в пакет с мусором и арбузными корками. Не зная, что им ответить, я просто кивнул – и в мгновение ока самый шустрый схватил пустую половинку арбуза и бросился бежать. Остальные – за ним, с дикими воплями и свистом. Но первый оказался быстрее – он бросился на землю, расколол корку об асфальт и впился зубами в зелень, жадно глотая ее. К нему подбежал другой, схватил камень, стал кричать, замахиваться и отнимать арбузные корки. Вскоре подоспели остальные, и все смешалось в безумной свалке и драке.

Я понял, что это не игра...

- Эй! Эй! Идите сюда! – мой голос отвлек их, и драка на мгновение прекратилась. – Я дам вам сладкий арбуз, если вы не будете драться! – я знал, что несу полную чушь, на языке, которого дети не знают, но другого выхода просто не было. Чтобы слова мои обрели плоть, я поднял над головой кусок арбуза и поманил им детей. Что тут началось! Они с визгом бросились к нашему дереву, пихая друг друга и протягивая руки. Пришлось собрать всю мою волю и самообладание, чтобы навести какой-то порядок.

- Так! Подходим по одному! Ты – первый! – я показала на самого маленького и забитого, в слезах – ему, видно, не досталась корки. Он, не веря своему счастью, протянул грязные тонкие ручонки, схватил арбуз и впился зубами в сладкую сердцевинку. Не знаю, что там пишут

философы по поводу счастья – я видел его воочию на лице этого семилетнего ободранного пацана, который впервые за много дней попробовал самый обыкновенный арбуз.

- Эй, куда! Сейчас не твоя очередь! – я делал строгое лицо, отпихивал самых наглых, и постепенно ребята выстроились в подобие очереди и перестали вырывать друг у друга куски изо рта.

Я сидел под деревом, скрестив ноги, отрезал ровные куски арбуза и раздавал их детям, проговаривая ничего для них не значащие фразы на русском языке. Наверное, нечто похожее приходилось делать и Миклухо-Маклаю – по крайней мере, я очень живо представил себя на его месте.

А еще... А еще я чувствовал себя немножечко Богом – не великим и всемогущим, а милосердным и человечным, спустившимся к людям, чтобы... чтобы...

- Ну-ка, стой! Отдай ему корки! Эй! Эй! Э-э-х...- моя «миссия» закончилась вместе с арбузом – проглотив последний кусок, пацаны с воем умчались делить еще не съеденные, жесткие зеленые корки.

Мы молча переглянулись. Конечно, нам приходилось читать в книжках о голодных африканских детях, о трущобах азиатских мегаполисов, но чтобы так... И ведь мы не в Африке, не в Афганистане – всего десять лет назад это была наша страна, единая и могучая, как говорил хозяин ночлежки в Кунграде... Неужели за 10 лет Узбекистан откатился в средневековье, превратившись в отсталую азиатскую страну? Или раньше мы не замечали этих сторон жизни «братской республики», как сейчас закрываем глаза на наших беспризорных детей, просящих милостыню в метро?

Погруженные в эти невеселые мысли, мы медленно брели по пустынной улице Муйнака. Унылый город, однообразные домики за высокими заборами, кое-где – юрты, обтянутые войлоком и полиэтиленом. Провинция. Каракалпакия. Самая бедная часть Узбекистана, лишившаяся последних средств к существованию после гибели Арала.

Напротив школы к нам подлетела группа ребятешек – поопрятнее, веселее.

- Халоу! Халоу, мистер! Вот ис йо нейм? – дети наперебой задавали эти стандартные вопросы, улыбались и заглядывали нам в глаза.

- Хай, чилдрен! Май нейм из Костя, а вообще-то мы из России. По-русски говорит кто-нибудь?

Тишина. Маленькие девочки кокетливо засмеялись, мальчишки снова закричали: «Халоу! Халоу!» – и разбежались по своим делам. И только одна девчушка опустила глаза и тихо сказала: «Здравствуйтье...»

Как оказалось, сейчас в Узбекистане дети усиленно изучают английский язык – правительство надеется укрепить связи с США, а русский становится языком ностальгических размышлений старшего поколения.

Общаясь подобным образом с местными детьми, мы подошли к другому краю поселка, где находилась старая гостиница – окруженная резным забором, с абрикосовыми садом вокруг, она смотрелась весьма мило на фоне прочего убожества.

В гамаке, покачиваясь, спал один из наших итальянских друзей, остальные отдыхали в прохладных комнатах. В микроавтобусе «Daewoo», разморившись, похрапывал водитель-узбек... Разбудить это «сонное царство» нам помогла Зейнаб – смотрительница отеля, которая вместе с братом поддерживает его в более-менее жилом состоянии. Дело в том, что постояльцы бывают крайне редко, и брат с сестрой просто сторожат здание, не давая природе и людям превратить его в руины.

- Да-а, а то много уже разрушилось. Гостиниц немало здесь было, да только море как стало уходить, люди все побросали – и старые корпуса, и новые совсем, и недостроенные еще... Все сейчас песком засыпало... - Зейнаб вздохнула, и пошла будить наших итальянцев.

«Синьоры» улыбались, лениво потягивались и решили после сна немного подкрепиться. Когда сиеста наконец закончилась, мы набились в микроавтобус и покатали к морю. Вернее, туда, где море когда-то было...

...Ветер крутил маленькие песчаные смерчи на покосившихся бетонных плитах бывшей пристани, а впереди до самого горизонта простиралась пустыня. Песок морского дна успел порости саксаулом, верблюжьей колючкой и астрагалом, и теперь ветер играл в сине-зеленых ветвях, напоминающих волны. А на волнах лежали корабли. Ржавые, с ободранной обшивкой, страшные скелеты минувшей эпохи. Памятники человеческому безумию.

Мы спустились по крутому песчаному берегу и пошли к кораблям пустыни. Под ногами в песке хрустели ракушки – единственное напоминание о том, что здесь когда-то шумело море...

Итальянцы вовсю щелкали затворами фотокамер, шумно обсуждали увиденное. Я вернулся на пристань. В тени своего микроавтобуса дремал разомлевший узбек, молитвенно сложив руки на груди. Стояла мертвая, звенящая тишина, какая бывает только в пустыне после полудня. Казалось, солнечные лучи приобрели вес и объем, могут сдвигать с места предметы – упругие волны накатывались на меня, обдавая жаром. Ветра не было. Я сел на землю, прислонившись спиной к горячему бетонному блоку, и стало как-то тоскливо и пусто. Я подумал, что всем этим людям нет дела до гибели моря. Иностранцы приехали просто поглазеть на зону экологического бедствия. Узбеки, лишившись моря, теперь подрабатывают, показывая иностранцам его остатки. Власти бурят обнажившееся дно в поисках нефти или газа. Всем хорошо, все при деле. Только моря нет...

Вскоре вернулись «синьоры», и уговорили водителя отвезти их в маленький поселок Уч-Сай – самый крайний населенный пункт с этой стороны Арала. Мы сели в микроавтобус и поехали. Дорога шла вдоль бывшего берега. Иногда встречались одинокие куртины сухого тростника, старые, разрушенные дамбы.

- Э, знаешь, это бывает Амударья прорвется, раз в несколько лет, - объяснял водитель, радуясь, что спустя десять лет может поговорить по-русски, - тогда воду сохранить надо, там и рыба бывает. Вот и строим дамбы, чтобы вода в море не ушла. Правда, давно уже река не доходила до нас...

Я переводил сказанное итальянцам, пользуясь подсказками Натальи и Лиды. Через пятнадцать километров тряски по разбитой колее впереди показались домики поселка. «Синьоры» отправились смотреть на остатки моря, а мы пошли в поселок. Уч-Сай казался вымершим. Низкие дома, построенные из тростника и глины, казались какими-то термитниками, природными образованиями, но никак не жилищами современного человека. На окраине мы увидели первого человека – молодой узбек ногами пинал ишака, который дико ревел и не трогался с места. Зрелище было весьма забавным – парень упирался ногой в зад животного, толкал его, но осел тут же возвращался обратно. Наконец, узбеку надоело это философское занятие, и он присел в тени дувала. Осел тут же спокойно подошел к дому и стал жевать тростник, торчащий из стены.

Я поздоровался. Парень поднялся, взял мою руку в свои, и произнес вечное «Алейкум ассалам!». Затем он пригласил нас к себе. Глиняный забор окружал маленький двор, где в пыли возились двое абсолютно голых детей. Третьего качала на руках жена хозяина, на вид совсем еще девочка, с худым усталым лицом. Я огляделся. Посреди двора чернела яма колодца, явно только что выкопанного.

- Видишь, беда, - вздохнул парень, - копал-копал, а вода соленая. Даже скотина не пьет. Совсем воды нет. Ты журналист, да?

Он ткнул пальцем в фотоаппарат, висевший у меня на боку.

- Ну, можно и так сказать, - зачем-то соврал я. Узбек переменялся в лице, схватил меня за руку, и стал сбивчиво рассказывать: «Ты напиши, обязательно напиши! Что моря нет давно уже. Рыбы нет. Раньше поселок только рыбой и жил. А теперь раз в три года, если река прорвется, появляются лужи, в них рыба. Но жить этим нельзя! У меня вот бараны, козы, но мало – только на семью. А теперь даже воды нет. Нам-то еще привозят из Муйнака, а чем скотину поить?»

Паренек замолчал, переводя дух. Он довольно неплохо говорил по-русски, хотя было непохоже, что где-то учился, кроме средней школы.

- Послушай, ты вот из Москвы, все знаешь. Книги пишешь. Скажи, можно вернуть нам море?

Я молчал, не зная, что ответить. Объяснять ему глобальные географические процессы, экологические взаимосвязи? Пообещать перебросить часть стока Оби, как это сделали российские дипломаты? Я посмотрел вокруг. Соленая безжизненная пустыня. Богом забытый край. И люди – последнее, о чем думают властители Азии, это люди. Стало совсем тоскливо от всех этих мыслей, такой безысходностью веяло от всего, что я увидел на берегу мертвого моря. Я ничего не ответил узбеку и вышел на улицу. Лида гладила ослика, чесала ему за ухом и что-то

рассказывала. Наталья ушла к машине, вдалеке на дамбе размахивали руками неунывающие итальянцы.

Хозяева вышли нас проводить. Я никогда не забуду их – босого узбека в цветной рубаше, прижавшуюся к нему девушку с грудным ребенком на руках, стоящих около оплывшего дувала. И слова, сказанные на прощание: «Вы вернете нам море?..»

СУДЬБА КАПИТАНА

Когда мы приехали в гостиницу, Зейнаб развешивала во дворе только что постиранные вещи. Подойдя к ней, я спросил:

- Зейнаб, скажите, можно нам переночевать у вас в гостинице?

Зейнаб ответила, улыбаясь:

- Знаете, у нас все хорошие комнаты заняты. Вашими друзьями, с которыми вы сегодня ездили... А в других – только бетонный пол, даже окон нет. Но я подумала: у меня соседи – русские. Пожилые люди, очень хорошие. Может, вы у них остановитесь?

Я согласился, и Зейнаб скрылась среди пыльных домиков поселка. Спустя несколько минут она вновь появилась и махнула нам рукой – мол, идите за мной. Мы подхватили рюкзаки, и вскоре стояли у ворот обычного узбекского двора, расположенного на краю поселка. Калитку нам открыл крепкий пожилой мужчина в белой рубашке с короткими рукавами. Глядя на его волевое лицо, и осанку, я подумал, что мы имеем дело с бывшим военным.

- Сергей Липатович, - представился он и крепко пожал мне руку. Потом посмотрел на девчонок и добавил. - Ну, для вас - дядя Сережа. Проходите, проходите! Зинка уже рассказала про вас! – он подмигнул Зейнаб, которая улыбнулась в ответ.

Когда мы зашли во двор, я на миг забыл, что нахожусь в Средней Азии: уютный домик-мазанка, окна с голубыми ставнями, сарайчик, у которого куры клюют зерно, а на скамеечке у дома – русская бабушка, в платке и легком платье.

- Вот, знакомьтесь, хозяйка моя, тетя Маруся! – представил ее Сергей.

Пожилая женщина улыбнулась и пригласила нас в дом. Интерьер соответствовал внешнему убранству дома. Не покидало ощущение, что находишься где-то далеко от Азии, дома, в средней полосе России. Кадры из фильма «Белое солнце пустыни» вставали перед глазами сами собой. Мы уселись на мягком диване, покрытом клетчатым пледом, тетя Маруся согрела чай, на столе появились свежие сливки, молоко, мед. Сергей Липатович, узнав, что я географ, отвел меня в свой «кабинет» – комнатку с видом на бывший берег - и показал огромную карту Аральского моря. Синим фломастером на ней были отмечены линии - так отступало море в последние годы.

- Вот, видишь, как море ушло, - сокрушался дядя Сережа, - километров на 80 уже. Раньше, бывало, выйдешь за калитку, слышишь – шумит, волну с севера гонит. А сейчас...

Действительно, судя по навигационной карте, которую дядя Сережа использовал для фиксации гибели Арала, от моря осталось несколько небольших водоемов в центре озерной котловины. Все остальное представляло собой пустыню, покрытую коркой горькой соли, испещренную следами джипов – иностранцы любили съездить на море, ужаснуться «русской экологической катастрофе».

- Да, много приезжает туристов, тем и живем. Даже кино снимали про Арал, меня просили поучаствовать. – Дядя Сережа рассказывал это безо всякой гордости, словно говоря о необходимом зле. – Видели корабль в порту, с одной стороны покрашен? «Каракалпакия» называется? Вот, его и снимали. Не «Каракалпакия» это вовсе, в те времена и назвать так не могли. Мой флагман, на нем ходил, потом катер был у меня, как у начальника порта. Тоже вроде как музей стал – на постаменте стоит, на площади в центре, вы проезжали...

Действительно, я вспомнил катер, с гордо поднятым острым носом, навеки застывший на бетонном постаменте в центре Муйнака. Стало совсем тоскливо. Старый капитан жил своим морем, своими кораблями. Казалось, жизненные силы его уходят в песок с каждой новой линией, проведенной синим фломастером по пожелтевшей карте...

- Ну, хорошие мои, ужин готов! – тетя Маруся появилась в дверях, протягивая мне полотенце. – Мой руки – и за стол.

Я не заставил себя просить дважды. Поплескавшись у рукомойника во дворе, под матовым светом азиатских звезд, я присоединился к своим подругам и хозяевам, которые уже ждали за большим круглым столом, покрытым белой скатертью с красным украинским узором. О, какое счастье за тысячи километров от дома отведать настоящий борщ, домашние котлеты, пить парное молоко! Честно говоря, от бараньей шурпы и лагмана меня уже выворачивало наизнанку.

За чаем дядя Сережа рассказал историю своей семьи. Родом они с Кубани, из казаков, на Арал предки приехали еще до революции. Так и жили – ходили в море, ловили рыбу, с басмачами воевали, устанавливали советскую власть. Дядя Сережа начал работу в порту еще мальчишкой, дослужился до капитана, стал начальником порта Муйнак. На его жизнь пришелся расцвет Арала и его гибель.

- Помню, как первый раз море ушло, - вспоминал дядя Сережа, - навигация началась, а корабли вывести не можем – лежат на днищах, и все тут. Ну, и поработали мы! – тракторами тянули, дамбы строили – весь город вышел с лопатами, с кайлами... Почти все суда мне удалось спасти. Тогда ведь как было? Не вышла флотилия в срок – голова твоя полетит. Не знал еще никто, что море совсем уходит...

Дядя Сережа замолчал, уставясь в одну точку, словно вспоминая какие-то подробности, которые за давностью лет стерлись, позабылись, но которые ему очень важно было рассказать нам сейчас.

- А на следующий год – опять. Тогда тревогу и забили. Суда оставляли на рейде, подальше от берега – а весной приходили к ним пешком... Первые годы Сырдарья еще в море

впадала, только обмелела вся. А потом вообще не дошла, все в песках истаяла. Ну, ты географ, про канал имени Ленина знаешь, рассказывать даже не буду. Всю воду на хлопок бросили, а море убили. А после перестройки, как Союз распался, вообще из-за этой воды война идет. То таджики шлюзы закроют, то узбеки, то туркмены... А мы-то в нижнем течении, ни на что не влияем – сбросят воду, хоть с полей, с ядами всякими – и на том спасибо... Так с тех пор и живем – прорвется река раз в три-четыре года, оставит лужи, озерки – люди и рады. Вон, в Уч-Сае, были сегодня? – я кивнул, и старый капитан продолжил, - в Уч-Сае дамбы строят, воду пытаются сохранить, рыбу ловят. Хотя, что там за рыба!...

Дядя Сережа грустно усмехнулся. Да, ему, приводившему в Муйнак флотилию рыболовецких судов, рыбная ловля, которой жили люди в Уч-Сае, казалась издевкой над морем, над людьми. Над его прошлым...

Тетя Маруся постелила нам в разных комнатах, на высоких деревянных кроватях с перинами. Я засыпал, и перед глазами вставали картины из жизни моря, кораблей, капитанов и рыбаков. За окном лежала огромная мертвая пустыня, молча смотрящая сквозь тюль занавески холодными глазами звезд. И при этом я засыпал, как дома – на кровати, на белом хрустящем белье. Три мира слились в один, не вмещающийся в сознании, уносящий вдаль неведомыми дорогами. И я заснул...

Когда я проснулся, в окно светило безумное белое солнце. Тетя Маруся приготовила восхитительную яичницу, мы поели, и старики решили проводить нас к автобусу на Хорезм. Дядя Сережа утром больше молчал, зато тетя Маруся делилась своей болью.

- Вот, сынок, так и живем, одни совсем. Дети-то разъехались, и не пишут почти. А может, и не доходят письма сюда теперь. – Тетя Маруся вздохнула и продолжала, - Дочки у нас, одна в Свердловске, другая в Краснодарском крае. Может, напишите им из России, что мы скучаем очень, ждем весточки? Напишите?

Я записал адреса, пообещав передать просьбу. По дороге к автостанции дядя Сережа здоровался со многими людьми – и узбеками, и каракалпаками. Оказалось, старик знает оба языка, и относятся к нему местные совсем неплохо.

- Да, русские почти все уехали, - дядя Сережа немного задыхался, разговаривая на ходу, - Мы с Марусей, почитай, одни остались. Родился я здесь, вырос, вся жизнь прошла – куда теперь? Дети звали сначала, да мы решили здесь помирать. Рядом с морем...

...Автобус медленно развернулся, дядя Сережа поднял руку – наверное, так он провожал и свои корабли. Тетя Маруся плакала, вытирая слезы белым платком. Такими я их и запомнил – двух русских стариков, стоящих на пыльной площади, среди черноголового азиатского моря. Словно чувствуя что-то, узбеки вежливо обходили стариков стороной – и они стояли, будто на острове, а мы уплывали дальше и дальше...

В ХОРЕЗМЕ ВСЕ СПОКОЙНО...

Наш автобус направлялся в Ургенч. Узбекские междугородние автобусы, помимо чрезмерной вместимости, отличаются наличием мальчика-зазывалы и торговцев всяческой снедью. Последние особенно надоедливы - ну сколько можно протискиваться через переполненный автобус с пакетом пирожков и бутылкой минеральной воды, суя все это под нос пассажирам?

Через несколько часов мучений, проведенных в этой раскаленной пыльной консервной банке, мы выпали на горячий асфальт одного из древнейших городов древнего Мавераннахра. Что удивительно, на этот раз к нам первыми подбежали не менты, а таксисты, предлагающие подбросить до Хивы. И в пестрой толпе я заметил еще одного европейца.

-Hello, mister! - окликнул я его по привычке. "Мистер" вздрогнул, и я заметил, как исказилось лицо бедного паренька - видно, узбекские дети достали его не меньше нас. На вид ему было лет 25, светловолосый, с небольшой бородкой. Стильный рюкзак и трекинговые ботинки выдавали принадлежность к "золотой молодежи" Запада, путешествующей по всему миру. Познакомились. Парня звали Саймонд, родом он был из Шотландии, и уже второй месяц бродяжил по Средней Азии. Поскольку Саймонд тоже направлялся в Хиву, мы здорово сэкономили на машине. "Necsia" узбекского производства неспешно катила по трассе в сторону древней столицы Хорезма. Переехали мост через широкую мутную реку, распадавшуюся на множество рукавов и протоков. Амударья здесь, в среднем течении, еще жила, наполняя влагой сады и хлопковые поля.

Таксиста мы попросили привезти нас к какой-нибудь недорогой гостинице. Каково же было мое удивление, когда машина остановилась на центральной площади Хивы. Прямо над нами возвышались глиняные стены и башни, и охра необожженного кирпича вырисовывала фантастический силуэт древней крепости на фоне ярко-синего неба. Водитель с гордостью сообщил, что в любом доме нас с радостью примут, лихо развернулся и укатил восвояси. А со всех сторон площади уже спешили любопытные жители древнего города. Саймонд поспешил ретироваться, сославшись на желание срочно увидеть достопримечательности Хивы, девушек азиаты игнорировали, и пришлось мне принять натиск.

- Hello, mister!

- Ну, здравствуйте, граждане...

- А-а, русский! Откуда, брат? - узбек средних лет улыбался и пожимал мне руку.

- Из Москвы, к бабушке в Алматы едем,- начал я приготовленную легенду. - Вот, решили ваш город посмотреть по дороге. Кстати, где в Хиве можно остановиться на ночь?

- А, я знаю! - вступил в беседу пожилой мужчина с седой мусульманской бородкой. - Тут недалеко, я вас провожу.

Он уверенно повел нас через толпу, которая расступилась, признав право старика на гостей.

Далеко мы и правда не ушли. С другой стороны площади, напротив ворот в крепость, старый узбек остановился и показал на высокие ворота.

- Вот, здесь живет человек, у которого вы сможете переночевать.

Я поблагодарил и постучал в калитку. Через некоторое время вышел мальчишка лет двенадцати, в шортах и шлепанцах. Я рассказал ему о нашем путешествии и спросил, можно ли остановиться в его доме.

- Я не знаю, папы пока нет, но я думаю, что он разрешит! Проходите! – с этими словами паренек повел нас в дом. Точнее – настоящий дворец. Полы покрывали яркие персидские ковры, на стенах висело оружие, сами стены и высокие потолки были украшены орнаментом. Мы в нерешительности остановились в прихожей, и я уже решил поискать другой ночлег, попроще и подешевле, когда пришел отец мальчика.

- Ассалам алейкум! – молодой узбек улыбался и протягивал руку.

- Алейкум ассалам! – ответил я, также улыбнувшись. – Вот, искали место для ночлега, пришли к вам...

- А, молодцы! Гость в дом – Аллах в дом, правильно? – хозяин продолжал улыбаться, и приглашал нас пройти внутрь. – Вот, смотрите, такая комната вам подойдет? Или вот эта? Смотри, выбирай!

Комнаты поражали воображение – особенно спальня с поистине царским балдахином из тяжелой бардовой парчи с золотыми кистями. А цены... Мне сначала показалось, что я ослышался – 25 рублей за ночь. Но когда я переспросил, Саид, как звали нашего хозяина, неожиданно смутился и сбавил цену до 20 рублей. Так мы остановились на ночь во дворце с видом на крепость, построенную 2500 лет назад...

Оставив вещи у Саида, мы налегке отправились осматривать старинную крепость, или «кала», как называли ее узбеки. Было видно, что снаружи она подверглась косметическому ремонту (была обмазана свежей глиной), зато внутри можно было легко забыть, что на дворе начало XXI века. Древний город жил своей жизнью. В печах-тандырах женщины пекли хлеб, полуголые дети набирали воду в колодце, старик погонял ишака, нагруженного дровами... Заходящее солнце окрашивало глиняные стены и башни минаретов в красноватые тона, небо стало фиолетовым, жара понемногу спадала. Пройдя мимо кладбища, разместившегося на развалинах южной стены, мы вышли через городские ворота и увидели перед собой пустыню, бескрайнюю песчаную пустыню, убегающую за горизонт. Там, в нескольких километрах, лежал Туркменистан...

Надо сказать, что в Хиве мы смотрелись, мягко говоря, странно. Впереди шел я, светловолосый, но с темной бородой, в футболке и светлых парусиновых штанах. Сзади – Лида и Наташа, обе в ярких юбках, платках и шлепанцах. Достойная мусульманская семья, любо-дорого посмотреть! И посмотреть приходили. Вернее, сбегалось полгорода, особенно детей. Конечно, больше всего внимания доставалось Лиде – мало того, что у девушки были рыжие волосы, так

она носила еще и невиданное в Узбекистане украшение – пластинку для исправления прикуса. Стоило Лиде улыбнуться, как местные жители замирали, замороженные. Золотые зубы были у многих, но такое модное ювелирное изделие – только у светлокожей рыжей девушки. Дети на своем ужасном английском кричали еще издали: «Халлоу! Уот ис йо нейм?», а потом как мантру произносили незнакомое сочетание звуков: «Лита.. Литта... Лида-Литта...»

Хива – город небольшой. Всего несколько десятков тысяч жителей. И скоро со всех концов этого небольшого города стайки полуголых детей выкрикивали имя моей подруги: «Лита-Лида! Лита-Литта!», смеялись и растворялись в глиняных лабиринтах. А на смену им прибегали другие. К концу нашего путешествия по Узбекистану имя «Лида», похоже, стало популярнее всех 99 имен Аллаха...

Во время прогулки по городу подобрали Саймонда, который так и не смог найти себе жилье – пришлось устроить несчастного шотландца с нами. Вечером Саид (который просил называть его «просто Саша»), устроил нам настоящий пир, причем сказал, что питание входит в стоимость «номера». Разнообразный виноград, сочные дыни, всевозможные сладости лежали на низеньком столе, вокруг которого мы и разместились, усевшись на мягкий ковер. Саид-Саша ломал лепешки, разливал чай, рассказывал о своей жизни. Его жена и старшие сыновья работают в России, торгуют в сибирских городах. Без этого выжить было бы очень сложно, а так он не бедствует – дом, хозяйство, машина. К русским относится очень хорошо, как и почти все в Узбекистане, причем не только из-за ностальгии по СССР. У узбеков есть поверье, что если обидишь русского здесь, что-то плохое случится с твоими близким там, в России. А поскольку половина узбеков именно в России и находится, русских принимают прекрасно. Правда, как сказал Саид, мы – первые путешественники из России за последние несколько лет. Иностранцев много, со всего мира приезжают, и только русских нет...

После ужина мы вышли на площадь. Фонари слегка подсвечивали глиняные стены, над которыми раскинулись фантастически яркие южные звезды. На площади царило оживление, люди гуляли, шумели, танцевали. Для городов Средней Азии это вообще нормальное явление – днем в жару все спят, а после захода солнца начинается активная жизнь, продолжающаяся примерно до часа ночи. К нам подошла компания узбеков, и мы битый час обсуждали Союз, судьбы народов, современную политику Узбекистана и России. Как и прежде, наши новые друзья превозносили СССР и вспоминали девизы о дружбе народов.

Спать мы с Наташкой легли на улице, под полупрозрачным пологом, сквозь который были видны звезды и угловая башня крепости...

Я проснулся от того, что яркий солнечный луч пробился через листву винограда и добрался до моего лица. За глиняным забором шумела улица: разговаривали люди, ревели ослы, проезжали редкие автомобили.

Позавтракав виноградом, лепешками и зеленым чаем, мы отправились в крепость. Было около десяти часов утра, и жители древнего города активно работали. В маленьких мастерских

изготавливали обувь, выковывали кувшины, делали музыкальные инструменты. В тени карагачей узбекские школьники вырезали орнамент на колоннах для храма под присмотром строгого аксакала.

Конечно, мы воспользовались случаем и вместе с толпой немецких туристов бесплатно поднялись на самый высокий минарет города. Узкая глиняная башня, блестя цветной глазурью, пронзала небо, и бесчисленные крутые ступеньки, казалось, никогда не кончатся. Особенно меня смущала полная фрау, взбиравшаяся впереди меня и дышавшая, как кузнечные меха – если бы даме стало плохо, деваться с узкой лестницы было некуда...

Зато сверху открывался фантастический вид на древний город. Впрочем, современного города не было вовсе – светлые глиняные домики терялись в виноградной зелени и тянулись до горизонта, за которым лежала пустыня. Иногда в этом охристом лабиринте всплывали бирюзовые купола мечетей и дворцов, причем бирюза была разная – молодая, светло-голубого цвета, и старая, зеленоватая...

Недалеко от Каляна зашли в действующую мечеть. Вокруг священника, монотонно читающего Коран, на ковре сидели несколько человек, молитвенно сложив руки. На низком столике перед ними лежала разломленная лепешка и стоял небольшой чайник. Стены древней мечети были покрыты волшебным темно-зеленым узором из бесчисленных переплетающихся листьев, уходящих в полумрак купола.

Послушав слова Пророка, мы вышли из мечети, жмурясь на ярком солнце. В этот момент внутрь входили иностранцы. По мусульманскому обычаю, при входе в мечеть обувь снимают, и на коврике у двери стояли не только мои драные кроссовки и шлепанцы девчонок, но и крутые ботинки буржуев. Мне в голову пришла крамольная мысль: подбираем подходящий размер, и растворяемся в людском потоке. Сразу вспомнились строки из Омара Хайяма, жившего как раз в этих местах почти тысячу лет назад:

*Вхожу в мечеть смиренно, с поникшей головой,
Как будто для молитвы, но замысел иной!
Здесь коврик незаметно стянул я в прошлый раз –
Так он уж поистерся, хочу стянуть другой!..*

Прочитав подругам стихи, я, конечно, не взял ботинки, но потом не раз вспоминал о них, проваливаясь в глубокий снег на перевалах Тянь-Шаня...

Бродя по улочкам Хивы, мы постоянно заходили к разным мастерам, и везде нас поили чаем. Старый Ахмед делал кувшины, и мы долго обсуждали с ним техпроцесс – приятно было вспомнить мою ювелирную мастерскую на Остоженке, запах горячего металла, стук молотка по наковальне... Ахмед, поняв что я не просто любопытный турист, а его коллега, с удовольствием делился секретами мастерства – вот так делал дед, так прадед, так прапрадед...

Автобус на Бухару отправлялся утром. Потрепанный "Икарус" окружала пестрая толпа с мешками, сумками и даже одним грустным барашком. Барашек грустил не случайно - когда я спросил хозяина, куда он везет зверюшку, тот улыбнулся всеми своими золотыми зубами и сказал: "Ха! Барашка на свадьбу поехал, понимаешь, да?" С этими словами узбек повалил животное на землю, связал ему ноги и запихал блеющее существо в багажный отсек автобуса. Меня передернуло - жара 40 градусов в тени, ехать предстояло часов десять по разбитым узбекским дорогам... Пришла в голову мысль, что хозяин хочет привезти уже готовое блюдо - "отбивная баранина в собственном соку, запеченная в трюме "Икаруса"... Лида смотрела на происходящее распахнутыми от ужаса глазами - вчера на базаре она увидела, как убивают скотину и разделяют туши, была потрясена до глубины души и заявила, что мясо больше есть не будет. Я тогда сказал, что это ее дело, мне больше достанется, но сейчас понимал, что в чем-то девушка была права. Как бы там ни было, они с Наташкой объявили бойкот "убийцам невинных животных", и с тех пор мы питались почти исключительно лепешками и фруктами. А Лида не ест мясо до сих пор...

Разумеется, мы были единственными "бледнолицыми" в автобусе. Я уже привык, что нас разглядывают как неких экзотических зверей в зоопарке, и спокойно реагировал на тыканье пальцем, обсуждение достоинств моих спутниц и все прочее. Вспомнилось, как несколько лет назад мы с братом оказались в Новосибирском зоопарке в очень похожей ситуации.

Дело было так. Приехав в Сибирь с благородной целью – работать в охране Алтайского заповедника – мы несколько дней провели в славном городе Новосибирск. Директор заповедника застрял где-то в горах, и нас временно устроили рабочими в зоопарк – чистить клетки, кормить животных, и т.п. Разместились мы в павильоне с лемурами, которые вели ночной образ жизни и устраивали поединки горластых самцов после трех часов ночи. Кормили нас жесткой кониной – в цирке сдохла старая лошадь, и труп ее отдали зоопарку – кормить львов. Конечно, лестно было причислять себя к царственным животным, но жевать эти подметки... Короче говоря, подготовка к трудной и опасной службе инспектора заповедника шла полным ходом.

И вот в один прекрасный воскресный день, когда в зоопарке было особенно много посетителей, мы чистили клетки барсуков. Надо сказать, звери эти весьма опасны, поэтому предварительно их увели в другую клетку. И в вольере остались мы с братом, полуголые, загорелые, с лопатами в руках. Фронт работ предстоял немалый – за годы жизни барсуки сумели покрыть клетку толстым слоем экскрементов, которые слежались в подобие гуано. Впору было взрывать эту толщу отходов жизнедеятельности динамитом, но мы были молодые и упорные, и лишь утирали пот со лбов, вгрызаясь в сей «говнолит». Довольно скоро у клетки образовалась толпа любопытных. Как говорится, ничто так не притягивает взгляд, как зрелище работающего человека. «Ма-ам, а кто в этой клетке живет?» – спросило дитя в белом платьице, сжимая в руке какие-то сухарики или печенье.

«Хомо сапиенс здесь живет, человек разумный!» - гордо ответил я, распрямляя затекшую

спину, а Гришка, мой брат, добавил: «Мы здесь из обезьян в людей превращаемся. Посредством труда!»

Мы засмеялись, и принялись дальше ковырять «говнозем». Тут девочка, несмотря на мамино шиканье, подошла к клетке и протянула нам сухарик. Брат взял, сказал «спасибо», а девочка долго удивленно хлопала глазами на говорящее животное. Разумеется, собравшаяся к тому времени толпа просто животы надрывала от смеха.

От воспоминаний о «работе в зоопарке человеком» я плавно перешел к размышлениям об окружающей нас действительности. Действительность продолжала тыкать пальцами, громко обсуждать нас на своем языке и проверять документы на каждом посту, которыми, судя по всему, были унижены все более-менее пригодные для движения трассы в республике.

Хорошая страна - Узбекистан! Власть дает людям заработать самыми различными способами, наиболее популярный из которых - перегордить трассу шлагбаумом или похожим на него предметом и собирать бакшиш. Другого объяснения тому, что каждый час автобус проверяли всевозможные пограничники, милиционеры, таможенники и гэбэшники, я просто не находил. Как помнит читатель, в Астрахани я дал себе слово, что ни одна моя копейка больше не переключается в карманы вымогателей в форме и без оной. Чего мне стоил этот обет - представит лишь тот, кто сам побывал в Средней Азии.

Сборщики податей направлялись сразу к нам, единственным европейцам в автобусе. Вернее, ко мне, поскольку женщина в Азии воспринимается как самостоятельное существо лишь в отсутствии мужчины, да и то не всегда. Стражи порядка забирали наши паспорта и уводили меня на свой пост. Кругом расстилалась унылая желто-серая равнина, и единственными неровностями были будка "пограничников" и ларек с теплой газированной водой. Пассажиры заправлялись "газли суу", а я убеждал узбеков, что не являюсь террористом, ваххабитом, агентом российских спецслужб, провокатором и еще невесть кем. Если меня не было слишком долго, приходила Наташка и устраивала несчастным узбекам «семейную сцену». Когда они видели женщину, смеющую орать на капитана милиции, то теряли дар речи и прочие способности, и немедленно возвращали мой паспорт. С паспортами вообще вышла веселая история. У девушек были российские паспорта нового образца, а у меня – старый советский, причем с фотографией 16-ти летнего пацана с едва пробившимися усиками и волосами до плеч. Если честно, я сам себя не узнал бы по этой фотографии. Я до сих пор не пойму, как нам все-таки удалось проехать через всю Среднюю Азию с моим злополучным паспортом. Вот лишь краткий перечень фраз, которые приходилось выслушивать от узбекских стражей законности:

«Это не твой паспорт!»

«Такой паспорт в Узбекистане недействителен!»

«У кого из вас поддельные паспорта – у тебя или у твоих женщин?»

«Где узбекская виза?»

И, конечно же, все требовали регистрации, но никто не оформлял ее...

Около 11 часов вечера, уже в полной темноте, мы вылезли из автобуса на окраине Бухары. На автовокзал не поехали, поскольку совсем не хотелось остаток ночи провести в отделении милиции. Автобус скрылся во мраке, и мы остались одни в чужом незнакомом городе. Тьма стояла кромешная, в воздухе разносились запахи остывающей пустыни, доносился лай собак, где-то проехал автомобиль. Я вдруг понял, что совершенно не знаю, куда теперь идти, что я ужасно устал от всей этой Азии, устал быть чужим в чужой стране, что я хочу домой...

-Ассалам алейкум, брат! - из темноты вынырнул невысокий коренастый узбек, сверкая зубами и белками глаз. - Машина есть, куда ехать надо, а?

- В гостиницу... - я безвольно потащился за бойким таксистом, который уже снимал с Лиды рюкзак, - только не дорогую, слышишь? Ты знаешь в городе недорогую гостиницу?

- Э, конечно, я в Бухаре все знаю! - улыбался водитель, запихивая наши вещи в багажник старенькой "шестерки". - Это недалеко, быстро отвезу! Рынок знаешь? Вот рядом с рынком и гостиница!

Я кивнул, чтобы остановить этот поток слов, и мы помчались по ночной Бухаре. Гостиница и правда была недалеко - или город был маленьким? Под яркими звездами чернели огромные купола Центрального рынка, под ногами валялись обрывки пакетов, бумаги, раздавленные помидоры и инжир. Откуда-то из темноты вытекал мутный ручеек, неся кисловатый запах гнилых фруктов...

Услужливый водитель сразу побежал к низкому бараку, приютившемуся на углу рыночной площади, откуда вышел в сопровождении

- Здравствуйте, здравствуйте! – хозяин заведения довольно потирал руки и улыбался, - Из Москвы, да? Из России, русские, да? Ночевать будем, да? Хороший комната есть, пойдем смотреть, да? – последняя фраза относилась уже ко мне. Девушки испуганно переглянулись – им совсем не хотелось остаться одним на темной рыночной площади. Впрочем, не одним – из мрачных углов появились столь же мрачные люди. Они цокали языками и бесцеремонно разглядывали моих спутниц.

- А ну, пшли вон отсюда! У, кобели черные, женщин не видели? Што зыришь, ты, а ну пшол, пшол! – неизвестно откуда взявшаяся сухонькая старушонка схватила швабру и стала гнать восточных ухажеров. Седые волосы выбились из-под платка, бабуля обернулась, и я к своему удивлению обнаружил, что она русская.

- Ну, а ты шо уставился? – цыкнула она на меня. – Бери своих красавиц и быстро в номер, да запирайтесь, а то знаю я этих...

Меня не надо было просить второй раз. Подхватив рюкзаки, мы пошли по низкому обшарпанному коридору за хозяином «гостиницы». Все заведение напоминало бомбоубежище или складские помещения – трубы по потолку, провода, раскачивающиеся пыльные лампочки. Номер представлял собой комнату с грязными стенами, некогда, видимо, побеленными, а все убранство состояло из тумбочки, стола и пары кроватей. Окно, занавешенное засаленными

шторами, выходило на двор рынка. Я брезгливо задернул шторы и обратился к хозяину:

- Ну, ладно, нас устраивает. Сколько стоит ваш номер?
- Э, слушай, тебе недорого, как гостю – 10000 сум!

Я присвистнул – в хивинском дворце мы ночевали за меньшую плату. Но отсчитал хозяину запрошенные деньги и взамен получил ключ с кожаной биркой.

Наконец мы остались втроем. Лида сказала, что хочет спать, а Наташка решила воспользоваться душем, о котором говорил хозяин. Предоставив девушкам заниматься своими делами и полагая, что за стенами гостиницы они в безопасности, я отправился на кухню, чтобы приготовить поздний ужин. Давешняя бабка показала, как пользоваться плитой и газовой колонкой, напоминающими агрегаты из фильма ужасов. От нее же я узнал, что мы выбрали не лучшее место для ночлега, что узбеки здесь совершенно одичали и просто набрасываются на белых женщин. Сама она всю жизнь прожила в Узбекистане, когда Союз распался, уехать ей было не к кому, она и осталась. Никого она, конечно, не боится, а вот ее побаивается весь рынок. Я взглянул на свою собеседницу – седые космы из-под платка, цветастая юбка, рубашка с короткими рукавами, сильные загорелые руки, обветренное лицо с ярко-синими глазами. Видимо, взгляда этих безумных глаз и боялись узбеки. А когда бабуля, звали которую Вера, брала швабру, то образ Бабы Яги возникал сам собой. После того, как мы покинули Муйнак, баба Вера была первым русским человеком, встреченным нами в Узбекистане. Простая уборщица, которую в Москве я бы даже не заметил, здесь казалась родной и знакомой. До путешествия в Среднюю Азию я считал себя космополитом, убеждая всех знакомых, что жить можно в любой стране, среди любого народа. Можно-то можно, думал я теперь, да вот что-то домой очень хочется. И любому русскому радуешься, как родному...

«Отвали от меня, ты не понял?!» - мои размышления прервал Наташкин крик. Я выскочил из кухни и помчался в другой конец коридора. «Душ» представлял собой нечто среднее между автомойкой и общественным туалетом. Желтовато-коричневый кафель, местами потрескавшийся и облупившийся, ржавые гудящие трубы, мертвящий люминесцентный свет, лужи воды на полу и посреди всего этого великолепия моя жена – мокрая и дрожащая, в одном полотенце. Видимо, виновник происшествия скрылся, услышав мои шаги.

А дело было вот как. Наташка пошла мыться, и с удивлением обнаружила, что горячей воды нет. Как, впрочем, и душевых кабинок, и всего прочего, что любят описывать рекламные проспекты, приглашая путников в «звездные» отели. Здесь же звезды были видны через прохудившуюся крышу, а все удобства представлял собой шланг, из которого иногда текла холодная вода, и закуток, где можно было спрятаться от взглядов слишком докучливого хозяина. Этот добрый человек проводил мою жену до душевой, несколько раз пытался включить горячую воду, при этом заглядывая к Наташке и спрашивая, хорошо ли ей. А потом просто зашел в закуток и стал делать недвусмысленные намеки, пытаясь ущипнуть девушку за разные части тела. Наталья заявила, что у нее есть муж, на что узбек, цокая и улыбаясь, отвечал:

- Ну, что там муж, а? Ты вот с обрезанным не пробовала? Хочешь попробовать, а? Совсем другое дело, слушай! Какой там муж!...

Тут Наташка и издала призывный клич, послав наглого узбека туда, куда он так стремился.

Мы заперлись в номере, разбудили Лиду и поужинали приготовленными мной макаронами с тушенкой, разнообразив стол остатками лепешек и фруктов. После целого дня, проведенного в автобусе, спать хотелось страшно, и вскоре мы погасили свет и улеглись. Призрачный свет фонаря пробивался через задернутую штору, с улицы доносились подозрительные шорохи, иногда раздавались шаги, слышались голоса. Убедив себя, что узбеки в окно не влезут, я повернулся на правый бок и заснул...

- Кость! Ты спишь? – Наташка трясла меня за плечо, пытаясь повернуть к себе лицом.

- Сплю. И ты спи... - пробормотал я с закрытыми глазами и натянул на себя спальник.

- Я хочу в туалет...

- Ну и что? Иди. Меня-то зачем будить?

Тут Наташка схватила меня основательно, сбросила спальник и произнесла отчаянным шепотом:

- Ты что, забыл, где мы? Туалет во дворе!

Туалет и правда был во дворе, причем двором была огромная рыночная площадь, полная спящих и не спящих узбеков, а туалет находился на ее противоположном конце. Идти туда мне совсем не хотелось. Я посмотрел на оставшуюся от ужина 500 граммовую банку из-под тушенки и изрек:

- Писай в банку!

- Ты что, совсем идиот?! – зашипела Наталья. – Я пойду одна, и пусть меня изнасилуют!..

Натягивая кроссовки, я подумал, что меня не изнасилуют, а просто убьют, и предпринял последнюю попытку:

- Слушай, пописай с подоконника, а?

- Ты точно идиот! Они все только и ждут, чтобы я сняла трусы и уселась на подоконник! – с этими словами моя жена открыла дверь и вышла в тускло освещенный коридор.

На улице было прохладно, насколько может быть прохладно летом в Средней Азии. Свет огромных звезд смешивался со светом фонарей, придавая кустам и деревьям причудливые очертания. Мы быстрым шагом пересекли площадь и оказались у темных проемов общественного туалета. Наталья взяла фонарик и исчезла в пещере с намалеванной на стене буквой «Ж». Я оглянулся и увидел, что с разных концов площади ко мне приближаются люди с какими-то странными предметами в руках, весьма напоминающие палки. Я поднял глаза к вечным звездам и подумал, что как все-таки глупо быть убитым у входа в общественный сортир рынка города Бухары...

- А ну, чертяки, мало вам своих баб? – знакомый голос вывел меня из созерцательного состояния. – Пошли отсюда, а то вот ведь не дают девочке в туалет сходить...

Баба Вера выходила из мрака женской пещеры, поправляя юбку, с вечной шваброй в руке, а следом за ней шла моя Наташка. Вера проводила нас до номера, заметив, что мы выбрали не лучшее время для прогулки по городу.

Мы снова легли спать, но приключения на этом не закончились. Ближе к утру я почувствовал, как что-то круглое и волосатое упало мне на лицо, пробежало по груди и скатилось на пол. Я заорал так, что, наверное, перебудил пол-Бухары. Схватив фонарик, я успел заметить огромного отвратительного паука, скрывшегося в дыре на полу. Сердце колотилось, как бешеное, пока я обрывками полиэтиленового пакета затыкал все дыры и щели в проклятом номере. Наташка сидела, завернувшись в спальник и поджав ноги, глядя на происходящее широко распахнутыми глазами.

Спать мы больше не смогли, и как только рассвело, покинули гостиницу. Рынок оживал. Повсюду сновали люди с мешками и коробками, натягивали тенты палаток, здоровались, ругались, смеялись. Мы шли через это людское море – нелепые белые люди с нелепыми рюкзаками, чужие и никому не нужные пришельцы...

В ГОСТЯХ У ХИКМАТА

Я уже не был новичком в Средней Азии, и первым делом решил зарегистрироваться, чтобы не коротать бесконечные часы в отделениях милиции. Узнать, где регистрируют иностранных граждан, представлялось не проще, чем выяснить систему охраны президента Каримова. Мы бродили по центру города, приставая к узбекам со своим глупым вопросом, и тут неожиданно прямо передо мной остановилась машина.

- Эй, брат, давай подвезу! Гостиница надо?

- Нет уж, спасибо, мы только что из гостиницы! – усмехнулся я. – Нам бы в отделение милиции, где регистрацию оформляют...

- А, знаю, рядом! Садись, поехали, я помогу!

Водитель, узбек лет 45-50, радостно запихивал наши рюкзаки в свою крошечную «Тисо». Разместившись в детище местного автопрома (узбеки производят автомобили «Deo» по корейской лицензии) мы помчались по городу. По дороге Хикмат, как звали нашего нового знакомого, расспрашивал меня о путешествии, о России. В милиции Хикмат помог разобраться с местным начальником, который оказался родственником какого-то родственника чьего-то знакомого, и о бакшише речь даже не зашла. Мы вышли из прохладного серого здания на раскаленную улицу.

- Скажи, Хикмат, а приличная гостиница в Бухаре вообще есть? – я взглянул на узбека, намекая на наши ночные приключения, о которых рассказал по дороге.

- Слушай, Костя, зачем гостиница? Поехали ко мне домой, будешь гостем! Ну, заплатишь немного, за комнату, за бензин – а я вам Бухару покажу, на машине ездить будем!

Я посмотрел на своих спутниц, измученных предыдущей ночью, и согласился.

Хикмат жил почти в центре города, у мечети Чор Минор – «Четыре Минарета». За высокими деревянными воротами располагался внутренний дворик, увитый виноградом. На веревках сохло белье, под низким навесом разместилась кухня с огромным чугунным казаном, напротив ворот на небольшом возвышении стояла кровать.

- Наргиза-а! Насиба-а! – на голос Хикмата из дома вышли две девушки, улыбнулись нам и принялись что-то готовить на кухне.

- Вот, мои дочери! – похвастался Хикмат, - Наргиза в педагогическом учится, Насиба на медсестру. А сын старший с матерью у вас, в России...

Как рассказал Хикмат, в Узбекистане молодой человек должен был отслужить в армии (один год), а потом заработать денег на выкуп невесты и на свадьбу. Уже давно стало традицией, что узбекские юноши уезжают в Россию или хотя бы Казахстан, где есть какая-то возможность заработать. И вот год или два они мерзнут на московских и провинциальных стройках, спасаются от произвола российской милиции, получают по нашим меркам гроши, а потом возвращаются в солнечный Узбекистан богатыми людьми. Выкупают невесту, причем половина браков до сих пор заключается по договору родителей, и устраивают свадьбу. Узбекская свадьба – это не какой-то жалкий банкет на пятьдесят человек в московском ресторане. В стол превращается целая улица города, а число приглашенных нередко превышает пятьсот человек! Не говоря уже о том, что любой желающий может прийти поздравить молодых. Главное угощение на узбекской свадьбе – плов. Готовят его в огромных котлах, и божественный аромат разносится по всему городу...

Мы с Хикматом возлежали у низкого стола в тени винограда, и аромат плова на самом деле щекотал ноздри. Лида и Наташа сидели рядом, а дочери хозяина заканчивали приготовление традиционного узбекского угощения. Хикмат взял лепешку, по традиции разломал на куски и бросил на белую скатерть, которой был покрыт стол.

- Представляешь, приехал ко мне друг, тоже русский, - рассказывал Хикмат, - а меня дома не было. Только жена. Она его приглашает к столу, чай наливает, и ломает нан, такой вот хлеб, - Хикмат указал на лепешку. – А друг потом мне и говорит: обидел я, что ли, чем твою жену? Хлеб не режет, а рвет - и бросает, рвет - и бросает... - Хикмат засмеялся, и налил мне еще чаю в фарфоровую пиалу. Тем временем Наргиза и Насиба принесли плов. Жирный, желтый, рассыпчатый и невообразимо вкусный плов мы ели по обычаю, руками. Едва я подумал о том, чем бы вытереть руки, как Хикмат на распев позвал:

- Наргиза-а! Насиба-а!

Дочери хозяина сидели за отдельным столом, как и положено узбекским женщинам. К тому же женщины едят после того, как покушают мужчины, поскольку в их обязанности входит прислуживать за последними.

Наргиза и Насиба возникли как из-под земли, у одной в руках был серебряный кувшинчик,

у другой - махровое полотенце. Хикмат молча протянул руки, с которых капал жир. Наргиза поливала руки отца водой из кувшина, Насиба вытирала их. Затем девушки подошли ко мне. Я засмутился – все-таки Наргиза была моей коллегой, учителем, и мы могли бы встретиться с ней на какой-нибудь конференции по обмену опытом, а не вот так ... Но на мои слова о том, что я сам помою руки, девушки только улыбнулись, а Хикмат махнул им рукой – мол, не обращайтесь внимания на его капризы. Я подчинился. Сказки «Тысячи и родной ночи» оживали перед глазами. Я возлежал на мягких подушках, а две восточные красавицы ухаживали за мной, улыбаясь и предлагая все новые и новые блюда.

А вот Наташка с Лидой уперлись и отказались от эксплуатации человека человеком – помыли руки сами. Впрочем, наши хозяева и не настаивали.

После обеда мы отправились гулять по городу, а проводником вызвалась быть Наргиза, старшая дочь Хикмата.

Бухара представляла собой волшебное сочетание старинных мечетей, глиняных домов, дворцов и фонтанов. Фонтаны, правда, не работали – в целях экономии воды, как объяснила нам Наргиза. Включают их вечером часа на два, и это время – любимое для прогулок местной молодежи.

Мы шагали по залитым солнцем улицам, где сотни лет назад бродили Абу Али ибн Сина и Абу Наср ибн Мухаммад Аль-Фараби. Историей был пропитан горячий воздух, и не было необходимости в плакатах, напоминающих, что Бухаре исполнилось 2500 лет...

В бассейнах с мутной зеленоватой водой купались дети, чинары отбрасывали скупые тени, у старинной мечети стоял затертый до блеска бронзовый памятник Ходже Нассредину. Было забавно видеть этого насмешника над муллами, выезжающим на ослике из арки медресе. В старом городе шла торговля всем на свете, и мы до вечера бродили по узким базарным рядам, пробуя виноград и прицениваясь к сказочным сокровищам Востока, которые хозяева отдавали за бесценок.

Огромное солнце, запутавшееся в глиняных лабиринтах старого города, медленно катилось за горизонт, напоминая раскаленное отверстие тандыра. Я сидел, прислонившись спиной к прохладной глине дувала и смотрел на минареты Чор-Минор. Рыжие стены приобрели сероватый оттенок, и только бирюза куполов еще сверкала на солнце, резкими контурами выделяясь на иссиня-черном небе. Где-то запел муэдзин, созывая людей на вечернюю молитву, заскрипели деревянные колеса арбы, проезжающей по улице, местная детвора играла в футбол, и мяч иногда залетал прямо к дверям древней мечети. А я смотрел, как гаснут последние лучи солнца на куполах Чор-Минора, и был счастлив.

Подкрепившись традиционным пловом, мы решили побродить по ночной Бухаре. Хикмат отправил с нами все свое семейство – мол, чтобы никто не обидел. Возглавлял нашу маленькую процессию Азиз, племянник Хикмата, мальчишка лет двенадцати. Вел он себя как взрослый мужчина, к которому приехали дорогие гости. Неспешная походка, жесты, поклоны знакомым, и

бесконечная радость на лице – ему, мальчишке, доверили безопасность гостей! Поэтому, когда к Лиде подбежала очередная ватага ребятишек, восхищенных ее внешностью, Азиз буквально набросился на них, поймал самого старшего и долго что-то объяснял ему по-узбекски. После чего улыбнулся нам, свернув ослепительно белыми зубами, и предложил идти дальше.

Под бдительной охраной нашего юного паладина мы чувствовали себя в ночной, неосвещенной Бухаре спокойно и уютно. Казалось, время остановилось здесь тысячи лет назад. Азиз вел нас узкими улочками, где к ароматам глиняной пыли и вяленых фруктов порой примешивался резкий запах нечистот. Ночной город был совершенно безлюдным, и лишь изредка мы замечали свет, пробивающийся сквозь щели высоких деревянных ворот.

Неожиданно темный лабиринт закончился, и мы оказались на главной площади города. Прямо перед нами, окруженный мечетями и медресе, устремлялся к звездам огромный конус минарета Калян. Освещенный холодным светом луны, минарет казался зловещим и прекрасным одновременно. Глина отливала серебром, холодные голубые тени подчеркивали рельеф орнамента, черными провалами зияли огромные арки медресе. Я стоял, задрал голову к небу, и казалось, что Земля и звезды вращаются вокруг оси минарета, и он один есть незабываемая, вечная основа бытия...

ЗЕРАВШАН

После ночной прогулки проснулись поздно, долго потягиваясь под цветастыми одеялами. Хозяева постелили нам во дворе, где было не так жарко. Днем на этих низких кроватях мы пили чай, обедали, играли в шахматы – вообще вся жизнь семьи Хикмата проходила на невысоких деревянных лежаках в тени виноградных лоз.

Но сегодня Хикмат решил показать нам окрестности родного города. Мы сели в машину и поехали в Мазар - какое-то местное мусульманское святилище. Это был комплекс величественных мечетей и медресе, как и все в Узбекистане, появившийся неожиданно прямо из песков пустыни. Все здания были построены из кирпича-сырца, между которыми располагались пруды, окруженные могучими древними ивами. В прудах плавали циклопических размеров рыбины. У входа строгие служители, неодобрительно взглянув на моих спутниц, потребовали надеть синие балахоны и платки, которые тут же и предоставили. Посмотрев через минуту на Лиду и Наташу, я чуть не расхохотался, но сдержал себя – все-таки святое место. И с удовольствием заметил красавицам, что впервые за все время нашего пребывания в Азии они наконец «прилично» оделись.

Мазар был полон народу. Приезжали деловые люди на дорогих автомобилях, приезжали горожане с детьми на автобусах, пешком приходили оборванные дервиши и бродячие философы. Мазар, как и многие другие святые места Азии, почитался людьми задолго до мусульман. С появлением Ислама на мазарах построили мечети, просто узаконив их статус. Да и сейчас у

людей самой большой популярностью пользовалось старое дерево, с огромным дуплом – тот, кто проходил через дупло, получал здоровье и мог загадать желание.

После мазара двинулись дальше, и вскоре остановились около огромного поля. До горизонта уходили темно-зеленые кусты, на которых покачивались жесткие коробочки с белой ватой.

«Да это же хлопок!» - удивленно воскликнула Лида. Хикмат улыбнулся, обнажив ряд белых зубов, сорвал две коробочки и стал украшать ими прически девушек.

Да, это был хлопок – белое золото, «мягкая рухлядь», символ Узбекистана, его главное богатство и его самая большая проблема. До сих пор все население страны в сезон уборки хлопка отправляется на поля. Огромные каналы, высосавшие всю воду из Аральского моря, питают тысячи и тысячи гектаров хлопчатника. Из-за этой воды каждое лето едва не начинаются военные действия с соседними странами. И в то же время узбекский хлопок никому не нужен – раньше Советский Союз использовал его на нужды военной промышленности, но сейчас военная тема не в моде, а «мирным» хлопком весь мир давно уже завалил Китай...

«Эге, да вы геополитик, уважаемый Хикмат!» - думал я, слушая рассказ нашего друга.

Через хлопчатники Хикмат провез нас по грунтовой дороге на речку. Если честно, я даже удивился – забыл, как речки выглядят. Хотя Зеравшан, одна из величайших рек Средней Азии, возле Бухары смотрелся как оросительная канава. Зеравшан, берущий начало в ледниках Зеравшанского хребта, возле Бухары распадался на множество рукавов, и в прежние века терялся среди песков пустыни. Сейчас канал соединяет его с Амударьей.

Мы плескались в казавшейся ледяной воде, Хикмат загорал на берегу, и я с ужасом думал о том, что это первое купание за все время, что мы провели в Средней Азии. А когда мы увидим речку или озеро с пресной водой в следующий раз, я не мог даже предположить...

К вечеру мы вернулись в дом Хикмата. Надо заметить, что всю дорогу Наташа таскала с собой коробку акварельных красок, кисти и бумагу. Когда нестерпимая дневная жара спадала, Наташка брала акварель и шла в город рисовать. Она садилась под каким-нибудь старым карагачем или оплывшим дувалом, и принималась за работу. Постепенно вокруг нее собиралась толпа любопытных, в основном детей – в мусульманском мире не принято рисовать пейзажи, а изображать людей и животных вовсе запрещено. Поэтому, когда из-под кисти появлялись очертания знакомых домов и деревьев, дети садились на корточки и восхищенно цокали языками. Издали все это напоминало группу учеников какого-нибудь странствующего мудреца или дервиша. Правда, дервиш был девушкой в коротких шортах и обтягивающей майке...

УЗБЕКИСТОН, УЗБЕКИСТОН!..

Следующим утром я бродил по городу с фотоаппаратом, а когда от полуденной жары жизнь в Бухаре замерла окончательно, вернулся к Хикмату. Мы пили зеленый чай, ели лепешки с

виноградом и играли в шахматы. Если честно, я играл сильнее, но пару раз поддался хозяину – Хикмат слишком эмоционально переживал поражения.

После обеда хозяин пригласил меня прокатиться с ним к его школьному другу. Мы сели в «Тисо» и поехали на окраину Бухары. Надо заметить, поездка не произвела на меня особого впечатления. Окраина города была застроена пятиэтажками, в пыльном дворе дети играли вокруг единственных сломанных качелей. Друг Хикмата поил нас чаем, угощал пловом. Разговоры сводились к воспоминаниям о школе, о советской эпохе, о том, как тяжело теперь выживать в независимом Узбекистане.

Погостив часа два, мы с Хикматом вернулись к нему домой. И застали удивительную картину: во дворе собрались девушки и девочки со всех окрестных домов, и с открытыми ртами слушали мою жену. А Наталья просто рассказывала им о жизни российских женщин. Непростая, надо заметить, жизнь моих соотечественниц в рассказах для азиаток выглядела весьма заманчиво: можно вечерами ходить по клубам и дискотекам, в каникулы путешествовать, встречаться с тем парнем, который тебе нравится, а не только с тем, чьи родители устраивают твоих родителей. Наталья рассказывала байки и о семейной жизни в далекой, и как мне стало казаться, сказочной стране России. «Ну, если муж мало зарабатывает, можно его домой не пустить, например. Или вещи его на улицу выставить – пускай убирается на все четыре стороны...» Азиатки слушали весь этот феминистский бред, широко распахнув глаза, и я решил вмешаться:

- Ната-аша! Ли-ида! – нараспев позвал я, подражая Хикмату, и два раза хлопнул в ладоши. Эффект был потрясающий – азиатские девушки стали быстро прощаться, кутаться в платки и расходиться. «То-то! – подумал я не без злорадства, - а то развели мне здесь кружок пропаганды нездорового образа жизни!» Однако мои женщины на меня не реагировали – сидели, болтали красивыми длинными ногами в коротеньких шортиках, и с идеями освобождения местного женского населения от власти мужчин расставаться, похоже, не собирались.

- Ну что, вечером идешь с нами на праздник? – спросила меня жена, - Наргиза пригласила, будет большой концерт на стадионе...

- Лучше расскажи, как вам здесь такой шикарный гарем собрать удалось? Их же вроде без мужиков никуда не отпускают?

- Да это соседки все. Были, правда, из Ирана две подруги, да одна из Таджикистана...

- Очень хорошие девочки. Только жалко их очень, - добавила Лида, - так всю жизнь и будут плов делать и ковры ткать.

- А чем плохо-то? – я изобразил на лице искреннее удивление, - дом, семья, детишек человек восемь...

- Слушай, вот и искал бы себе жену здесь, понял? – огрызнулась Наташка, - а я хочу медицинский закончить, детей лечить, и вообще в жизни кем-то стать, кроме домохозяйки...

Я вздохнул, поняв, что спорить бессмысленно, и сказал:

- Ладно, феминистки. Во сколько концерт?

Трибуны большого стадиона на окраине города не вмещали всех желающих. Наша дружная русско-узбекская команда состояла из меня с девушками, Насибы и Наргизы, верного Азиза и двух слушательниц «женских курсов» моей жены. Мы пробрались к самому полю и встали в проходе – других мест уже не было.

Раскаленный дневной воздух, остывая, медленно стекал по куполу неба, словно сделанному из темно-фиолетового стекла. В городе в честь праздника работали фонтаны, и их далекое журчание можно было принять за шум речки или родника в далекой России...

Ударяя в дойры и громко крича, на площадку выскочили молодые ребята в национальных костюмах. За ними выплыли девушки, покачиваясь, как стебельки степной травы... Праздник начался. Народ веселился вместе с артистами – люди пели, плясали, размахивали флагами. А финал концерта я не забуду никогда – на сцену выбежали двадцать человек в камуфляжной форме и черных масках, вооруженные автоматами «Калашников». Ловко бросая друг друга на землю и заламывая руки, они в конце концов построились и запели очень красивую песню, где часто повторялись слова «Узбекистон, Узбекистон!»

«Это наш молодежный гимн!» – успела шепнуть мне Наргиза. Трибуны взорвались восторгом, люди вскочили и, взявшись за руки, стали подпевать. Это было фантастическое зрелище – тысячи человек под звездным небом, на фоне которого развеваются сине-зеленые флаги с мусульманским полумесяцем, раскачиваясь в такт музыке, поют гимн своей страны. А ребята в камуфляже на сцене без остановок палят в воздух из «Калашей», и белые нити трассирующих пуль убегают к огромным звездам. Я неожиданно почувствовал, что слезы наворачиваются на глаза. Я понял, что здесь, сейчас рождается новый народ, чьи предки строили сказочные города в пустыне 3000 лет назад, и чьи дети сделают свою любимую страну еще прекраснее. Я стоял, утирая глаза, и размытыми лентами в небо по-прежнему уносились трассирующие пули, а над саманным безмолвием старого города разносилось протяжное «Узбекистон, Узбекистон!..»

КАМА-СУТРА ПО-УЗБЕКСКИ

Следующим утром мы решили отправиться дальше – лето подходило к концу, а мы даже не добрались до границы Казахстана. Накануне вечером, после праздника (который, как оказалось, был всего лишь скромной репетицией перед большим праздником), Хикмат устроил прощальный ужин. На столе появились неизменный плов, фрукты, и, к моему изумлению, бутылка красного вина.

- А, для хороших людей Аллах простит одну совсем маленькую бутылку! – улыбнулся Хикмат в ответ на мой немой вопрос, и стал разливать вино в бело-синие пиалы.

Сначала, как обычно, мы разговаривали с Хикматом, Наташа с Лидой слушали, а дочери

хозяина прислуживали за столом. Но чуть позже, когда Аллах «простил хорошим людям» еще одну бутылку, а потом еще одну... Короче говоря, под конец Хикмат разрешил дочерям сесть к общему столу, мы смеялись, вспоминали ночные приключения в Бухаре, и заснули на мягких подушках уже под утро...

Утром с нами вышла прощаться половина квартала – сказала пропагандистская работа моих феминисток. На прощание Наргиза подарила мне расшитый вручную шелковый платок, а Насиба – сумочку ручной работы. Конечно, подарки предназначались моим спутницам, но вручить их девушки могли только мне – хозяину и господину. Я подарил Хикмату книгу своих стихов, с дарственной надписью. Хикмат долго и эмоционально выражал свою благодарность, книжка пошла по рукам, и я не без удовольствия ловил на себе восхищенные взгляды местных красавиц, сравнивающих фото на обложке книги с моей физиономией.

Хикмат гнал свою маленькую машинку под 140 км\час, за окнами пролетали однообразные хлопковые поля, и я начал уже засыпать, как вдруг заметил, что рука Хикмата лежит вовсе не на рукояти переключения передач, а на коленке моей жены. Наташка ехала на переднем сиденье, и они с Хикматом о чем-то оживленно беседовали. Я стал прислушиваться к разговору.

- Ну, вот ты скажи, сколько раз за ночь вы с мужем любовь делаете?

- По-разному бывает. Можем и вообще сексом не заниматься, если я устала, к примеру...

- Ай-ай-ай, зачем так уставать? - зацокал Хикмат, - у Кости ты ведь одна жена, как он это переносит?

- Нормально. Он, бывает, сам так выматывается на работе, что ничего не хочет...

- Ай-ай-ай! - снова зацокал Хикмат, - не правильно вы там в Москве живете! Вот я каждый день со своими женщинами провожу. Последние четыре дня только любовь не делал - гостей принимал, но это святое!

"Ну, понятно, Хикмат, почему ты эту тему поднял - стосковался по своим красавицам!" - подумал я, и решил вмешаться в разговор:

- Поверь, Хикмат, я очень редко так устаю, что не хочу заниматься любовью!

- А, Костя, не спишь! - Хикмат улыбнулся, глядя на меня в зеркало заднего вида, и убрал руку с Наташкиной коленки, - Ну тогда скажи мне, как долго ты можешь это делать?

- По-разному бывает, - начал я тянуть время, не понимая, куда клонит Хикмат.

- Э, что значит "бывает"? Я вот шесть часов подряд могу не кончать, даже восемь могу! - Хикмат возбудился, и я боялся, что мы слетим с трассы в какое-нибудь хлопковое поле, - Это почему я могу? Потому что я обрезанный! Обрезанный долго может любовь делать!

"И Хикмат туда же! - подумал я, - Им что, больше гордиться нечем, кроме своего обрезания?"

А Хикмат продолжал нам рассказывать об интимной жизни узбека. У Хикмата кроме официальной жены, которая работала в России, было еще три женщины, считавшиеся его "женами". Он их посещал, стараясь соблюдать некое подобие справедливости, помогал своим

детям, которых было немало.

Хикмат вдохновенно рассказывал о своих женщинах, не упуская пикантные подробности, машина летела по совершенно пустой трассе - и тут я случайно взглянул на Лиду. Девушка сидела абсолютно красная, изо всех сил делала вид, что крепко спит.

«Да, для девушки из интеллигентной семьи Лида услышала более чем достаточно! - подумал я, улыбнувшись, - Если сестра узнает, она меня просто убьет...»

Тем временем мы уже въехали на окраину Самарканда. Хикмат подвез нас прямо к дверям гостиницы, которую рекомендовал как "хорошую". Мы тепло обнялись, Хикмат поцеловал моих женщин - "как любимых дочерей, понимаешь?", и мы расстались, пообещав непременно писать друг другу письма.

У ДВЕРЕЙ ТАМЕРЛАНА

Махнув еще раз на прощание рукой, Хикмат укатил в родную Бухару - к своим многочисленным детям, любовницам и беспечному лежанию в тени виноградных лоз. А мы устроились в довольно приличной гостинице в центре Самарканда и отправились осматривать древнюю столицу Эмира Тимура.

Если честно, из всех среднеазиатских городов Самарканд мне понравился меньше всего. Современная застройка не давала почувствовать обаяние старого города. Посреди коробок советского периода тут и там попадались древние мечети, дворцы, мавзолеи, но не было во всем этом чарующей цельности Хивы и Бухары, где я просто забывал, в каком столетии нахожусь.

Первым делом мы отправились на знаменитый Регистан – древнюю площадь в центре города. Регистан кипел – город готовился отмечать десятилетие независимости Узбекистана. Площадь, образованная тремя удивительно красивыми медресе, была полна народу в национальных костюмах, с музыкальными инструментами в руках. Какой-то солидный узбек в сером пиджаке, совершенно не подходящей одежде для тридцатиградусной жары, настраивал микрофоны, произнося приветственные речи. И, конечно же, кругом было полно ментов - нарядные, в белых рубашках, они в преддверии праздника были благодушны и даже не просили предъявить документы, лишь одаривали нас белозубыми улыбками.

Побродив по дворику медресе Улугбека, младшего сына Тамерлана, мы отправились к могиле его отца - великого завоевателя и строителя. Мавзолей Амир Тимур располагался недалеко - знаменитое сооружение, вход в которое может увидеть каждый москвич в Третьяковской галерее, на картине Верещагина, которая так и называется - "Двери Тамерлана". Внутри усыпальницы царили полумрак и покой. Важные аксакалы совершали намаз перед саркофагами властителей Азии. Я подумал, что они вполне могут быть потомками тех трех легендарных стариков, которые умоляли советских археологов не вскрывать гробницу Тимура, предсказывая начало страшной войны. Археологи посмеялись над стариками и их

предрассудками. А война началась на следующий день после вскрытия гробницы - 22 июня 1941 года...

Я, совершенно потрясенный, рассматривал волшебные узоры, покрывающие стены гробницы, где суры Корана превращались в бесконечную золотую и бирюзовую вязь, теряющуюся в прозрачной высоте резного купола, кажущегося невесомым. Рядом с саркофагом Тамерлана стояли каменные гробы его сыновей, наиболее известным из которых был Улугбек - философ, гуманист, строитель и астроном.

Потрясенный, я уже собрался покинуть мавзолей, как вдруг меня негромко позвали, обратившись по-русски:

- Я вижу, ты любишь нашу историю, - передо мной возник старец, один из тех, что совершали молитву, - Знаешь ли ты, что в этих гробах нет Амира и его сыновей?

Я лишь отрицательно покачал головой а старик продолжал:

- Их похоронили глубоко под землей, в таких же гробах... Идем, я провожу тебя!

Я последовал за аксакалом, который привел меня к узенькой щели в стене гробницы. Вниз, откуда тянуло прохладой, вела узкая и крутая лестница - два человека разминуться на ней не могли. Внизу оказалось точно такое же помещение, как и в верхней части мавзолея. И в ряд стояли точно такие же саркофаги! Словно прочитав мои мысли, старик сказал: "Вот теперь ты действительно видишь могилу Тамерлана. Гробы наверху - для простых людей, для непосвященных, для туристов. А здесь мы совершаем молитвы и поминаем великого Амира..."

В подземном зале было многолюдно, и множество свечей, которые молящиеся держали в руках, освещали прохладный полумрак. Амир Тимур, безжалостный завоеватель, складывающий пирамиды человеческих черепов, в современном Узбекистане воспринимался как основатель державы, и на этом фоне меркли его личные достоинства и недостатки. Ему поклонялись, как святому, потомки тех, с кем сотни лет назад расправлялись нукеры Железного Хромца...

Я поднялся наверх, в душное марево современного Самарканда, где меня ждали не любившие историю подруги. Я рассказал девчонкам об увиденном, и не без торжества прочел в их глазах зависть - в коротеньких шортах девушек не пропустили в святая святых Амира Тимура.

От мавзолея направились в сторону обсерватории Улугбека. Сын свирепого завоевателя пошел не в отца, за что тот его никогда не понимал и не любил. Однако годы правления Улугбека были временем расцвета культуры средневекового Самарканда - просвещенный эмир поддерживал ученых, художников, поэтов. Увлекаясь астрономией, Улугбек построил в Самарканде уникальное сооружение - многоэтажную обсерваторию с точнейшим для того времени секстантом. Пользуясь этим прибором поистине циклопического размера (вдоль гигантского каменного транспортира с этажа на этаж вела каменная лестница), ученый эмир произвел точнейшие для своего времени астрономические вычисления. За что и был убит фанатиками-мусульманами. Не спасло Улугбека даже то, что он был глубоко верующим

человеком и построил на Регистане прекрасное медресе, где могли учиться премудростям ислама дети всех сословий...

Конечно, за прошедшие 600 лет от знаменитой обсерватории почти ничего не осталось - ее разрушили все те же фанатичные соплеменники Улугбека. Сохранился только подвальный этаж и нижняя часть секстанта, но и эти руины давали представление о монументальности древней обсерватории.

Вход на легендарную лестницу, изображениями которой я восхищался еще в детстве, был закрыт. Я с грустью стоял на пороге обсерватории и пытался сфотографировать хотя бы ступени, уходящие вниз.

- Сьто, уважаемый, астлономией интелесуеся? - неожиданно из-за спины у меня возник странный человек - азиат, но явно не узбек. Тоненькая седая бородка, умные пронизательные глаза... Где же я его видел? И тут меня осенило - человек поразительно напоминал Конфуция со старинных гравюр!

Как выяснилось из разговора, доктор Ван действительно приехал из Китая. В Поднебесной он занимался запрещенной коммунистами астрологией, и в конце концов был вынужден покинуть страну. Долго скитался по Азии, пока не нашел приют в Самарканде. К тому времени Союз распался, в моду вошли различные эзотерические учения, и доктор Ван не бедствовал.

- Сьто, Косята, закрито? - китаец кивнул на дверь, ведущую в глубину обсерватории.

Я пожал плечами и вздохнул - мол, что поделаешь, но доктор Ван сказал:

- Подожди, я сейсас приду с длугом, он тебе откloed!

Китайский астроном исчез, а через несколько минут появился с пожилым толстым узбеком. Тот молча отпер дверь и сказал:

- Только недолго, сегодня мы никого не пускаем, ради доктора Вана сделали исключение!

Я поблагодарил и стал спускаться по истертым ступеням лестницы, по которой когда-то ступал сам Улугбек. Девочки остались наверху, и я слышал, как доктор Ван развлекает их какими-то историями из своей жизни. Я дошел до самого основания секстанта, касаясь рукой каменного циферблата с выбитыми на нем арабскими цифрами. Под землей царил мертвая тишина. Я вдруг почувствовал всю боль одиночества Улугбека - презрение отца, непонимание родных, тайные смешки за спиной - над Улугбеком посмеивались даже строители, возводившие обсерваторию. О чем думал эмир, запираясь ночами в своей звездной башне? Чего просил у Аллаха, поднимая взор к небу - тому самому небу, которое он измерил и рассчитал? Мне казалось, я слышу его неспешные шаги, вижу его глаза, полные нездешней тоски - глаза человека, мечтающего о звездах, но вынужденного нести жестокое бремя правителя Азии...

Протившись с доктором Ваном, мы подошли к памятнику Улугбека. Я все еще находился под впечатлением от увиденного, и с благоговением взирал на каменного старика, держащего в руках книгу. Из задумчивости меня вывели мои красавицы - они сели спина к спине у подножия памятника, вытянув свои красивые длинные ноги... Я не удержался и сделал несколько снимков.

Старый мудрец-астроном смотрел на нас, но в глазах его было не осуждение, а только светлая грусть...

Вечерело. Огромный купол неба, куда так часто поднимал свой взор несчастный эмир, темнел, превращаясь из бирюзового в темно-фиолетовый. Зажглись первые звезды. Мы неспешно брели по остывающим улицам Самарканда, направляясь к мавзолею Биби Ханум - усыпальнице любимой жены Тамерлана. Мавзолей поражал воображение размерами - огромный комплекс из кирпича-сырца, с местами сохранившейся облицовкой возвышался над старым городом. Руины. Несмотря на усилия реставраторов, мавзолей все еще представлял собой окно в вечность, медленно разрушавшую его на протяжении столетий. Мы сели на еще теплые ступени. Вокруг гуляли молодые пары, в фонтанах купались дети, и повсюду цвели и благоухали розы.

Неожиданно к нам подошли трое русских - муж с женой и их пятилетняя дочка - белокурая, с веселыми голубыми глазами. Разговорились. Сергей, как звали отца семейства, рассказал нам о жизни последних оставшихся в стране русских. После распада Союза большинство русских покинуло страну - уезжали стремительно, бросая дома, квартиры, все нажитое за десятилетия жизни. Они тогда не уехали - просто не к кому было, а сейчас очень жалеют об этом. Работы нет, узбекские власти постоянно притесняют оставшихся русских, намекая на то, что их место - в России. Стало как-то грустно и неуютно в этой, казавшейся такой гостеприимной стране. Я вспомнил о своей бабушке, которая живет совсем одна в соседней азиатской республике. Пора было двигаться дальше - в Казахстан.

Вечером мы ужинали в гостинице, поедая опротивевшие мне лепешки и виноград - мясо девчонки не покупали из принципа. Гостиница представляла собой типичное советское заведение, где, к счастью, можно было не опасаться за сохранность вещей и за честь моих спутниц. И мы спокойно заснули на относительно чистых, прохладных простынях.

ТАШКЕНТ - ГОРОД ХЛЕБНЫЙ

Утром мы собрались и отправились в город - для начала на автостанцию, где узнали, что автобус на Ташкент отправляется после обеда. После чего гуляли по разомлевшему от жары Самарканду - посетили рынок, где продавалось абсолютно все - от ювелирных украшений и ковров до оружия и наркотиков. Хотя, конечно, рынок был более цивилизованный, чем в Хиве или Бухаре, и скорее напоминал московскую толкучку. Потом зашли в уютную чайхану, где не спеша потягивали чай из тяжелых белых пиал, украшенных синим орнаментом. Несколько таких чашек мы купили на рынке и решили увезти с собой - на память об Узбекистане.

Когда мы оказались на автовокзале, мальчик-зазывала уже вовсю драл горло, крича: "Ташкент-Ташкент-Ташкент!" Договорившись с его отцом, водителем потрепанного пыльного "Икаруса", мы закинули рюкзаки в багажник и стали ждать отправления. Ждали долго - в итоге корабль пустыни набился битком, а мальчишка совершенно охрип.

Автобус медленно плыл среди пустыни, жара стояла невыносимая - казалось, пот течет по стеклам. Мы вовремя заняли свои места, но большинство пассажиров ехало стоя, из последних сил держась за поручни. Наконец, водитель сделал остановку - среди пустыни стоял небольшой домик с длинной верандой - чайхана. Пассажиры пошли мыть руки (из религиозных соображений, а отнюдь не из-за гигиенической безопасности), и вскоре все население нашего "Икаруса" возлежало на подушках в тени драного тента, поглощая плов, лепешки и чай. Мы присоединились к попутчикам, правда, кроме чая ничего впихнуть в свои измученные жарой организмы не смогли. Пассажиры с интересом разглядывали нашу компанию, обменивались репликами на своем языке, но я уже настолько привык к этому, что престал обращать внимание.

Автобус двинулся дальше. Я понял, почему не столь большое расстояние до Ташкента преодолевается почти за сутки - постоянные остановки у придорожных кафе, неизменные проверки документов отнимали много времени и сил.

Ночью жара спала, и мы даже смогли немного поспать - правда, дважды разбуженные на каких-то неизвестных постах какими-то мрачными субъектами, выдававшими себя за пограничников и милиционеров.

На рассвете наш автобус ввалился на площадь столицы суверенного Узбекистана. Помятые и не выспавшиеся, мы стояли и зябли в прохладном воздухе просыпающегося города. Из этого состояния нас вывел активный узбек-таксист:

- Ну, что стоим, ехать надо, да? - он весело подмигнул Лиде и схватился за ее рюкзак, который моя сонная подруга неосторожно выпустила из рук.

- Стой, брат, да мы еще не знаем, куда нам ехать! - я решительно взял Лидин рюкзак из рук узбека и поставил на асфальт.

- Как не знаешь? - на лице таксиста отразилось искреннее изумление, - ты вообще откуда, брат?

Я вздохнул и в тысяча первый раз поведал историю о своей любимой бабушке, которая ждет - не дождетя внука в Алма-Ате. Когда я произнес "Алма-Ата", таксист неожиданно просветлел лицом и сказал:

- А, знаю, знаю! Давай вас до Шымкента довезу, там на поезд - и завтра в Алматы будешь!

Весьма смутно представляя, где находится этот самый Шымкент, я почему-то решил довериться этому улыбчивому человеку. Мы закинули рюкзаки в его старенькую "Волгу" и отправились в путь.

Как только мы выехали из города, водитель свернул к придорожной чайхане.

- Понимаешь, - как бы извиняясь, произнес он, - утро, рано совсем, я дома не поел. Пойдем со мной, самса кушать будем!

Привыкнув к тому, что в Азии никто никуда не спешит, мы отправились вслед за узбеком. Он угощал нас самсой (наконец-то я ел мясо!) и рассказывал истории из водительской жизни.

- Знаешь, - жуя, говорил он, - еще недавно я тоже такую бороду отпустил, как у тебя. Но

однажды остановили на посту - кстати, недалеко отсюда. Говорят: ты ваххабит! Мы тебя в зиндан отвезем! Это такая тюрьма в Ташкенте, там все с ума сходят. Я им говорю: я не ваххабит! А они: тогда сбривай бороду. И пришлось прямо в участке бриться - тогда только отпустили.

Я рассказал, что меня из-за бороды тоже принимали за ваххабита, но водитель только посмеялся - мол, с твоей-то русской внешностью можно не опасаться попасть в зиндан. "Зато ты сбрил бороду, и никто тебя не останавливает, - подумал я, - а мне что с бородой, что без нее ваша милиция проходу не дает..."

После чайханы мы ехали по совершенно голой степи - приближалась граница с Казахстаном. Выглянув в окно, я заметил посреди желтой равнины странное сооружение - огромную арку. Вскоре дорога вывела нас к ней, и тут я был поражен окончательно: передо мной находился символ современной Средней Азии.

Белоснежная арка, размером с десятиэтажный дом, украшенная золотым орнаментом, возвышалась среди голой степи. Под ней проходила дорога - из Узбекистана в Казахстан. А со свода арки почти до самой земли, слегка шевелимое ветром, спускалось огромное полотно. На нем, изображенные в полный рост, лоснящиеся и довольные, пожимали друг другу руки лидеры суверенных республик - Ислам Каримов и Нурсултан Назарбаев. Колонны арки были украшены цитатами из "пожизненных президентов" - полновластных хозяев своих стран.

Мы остановились в небольшой очереди на посту. Когда я вышел из машины, чтобы сфотографировать новое чудо света, ко мне тут же подбежали стражи порядка и довольно вежливо попросили убрать фотоаппарат - пограничная зона, мол. Я спорить не стал - я стремился в Казахстан - в страну, где родилась моя мама, где ждала нас бабушка Эрна. И терять время в узбекском участке не входило в мои планы.

Узбеки долго проверяли наши документы, вновь придираясь к моему советскому паспорту. Напоследок пограничники едва не совершили непоправимое -дохнув на печать с долгожданной надписью "Выехал из Узбекистана", офицер взял мой паспорт и открыл свободную страничку.

- Нет-нет-нет! - почти закричал я, - Вы ошиблись! Это мой российский паспорт! Если там будет узбекская печать, паспорт можно смело выкинуть на помойку!

Тут я заметил, как посуровело лицо узбекского лейтенанта - зря я все-таки про помойку для его штампа загнул...

- Поймите, - стал я объяснять ему, - по российским законам ничего нельзя писать в паспорте, тем более ставить печать другого государства...

Я говорил, а сам думал: как мы докажем казахам, что въехали в их страну законным путем?

Узбекский офицер, словно угадав мои мысли, лишь пожал плечами и протянул наши паспорта. Мы прошли под циклопической аркой и оказались в Казахстане.

В КАЗАХСКИХ ЗАСТЕНКАХ

Казахские пограничники лениво полистали наши паспорта, не выдали никаких документов, и мы въехали на территорию степной республики. Вскоре вдоль дороги потянулись сады, арыки, дома - мы приближались к Шымкенту.

На вокзальной площади водитель высадил нас, пожелал счастливого пути и укатил в свой солнечный Узбекистан.

Мы подхватили рюкзаки и направились к зданию вокзала. Но не успели мы зайти внутрь, как к нам подошел казахский полицейский - огромного роста с милым лицом палача из фильмов о Чингисхане.

- Документы! - рявкнул полицаи, даже не поздоровавшись.

Я с недобрим предчувствием протянул ему наши паспорта. Казах смял их своей огромной лапой и молча направился прочь. Мы понуро побрели за ним.

Полицейский участок вокзала города Шымкент удивительно напоминал наши вокзальные отделения милиции - синие стены, лавка, стол, и конечно же "обезьянник", выкрашенный в столь же отвратительный синий цвет.

- Куксин Константин Валерьевич? - полицейский вопросительно посмотрел на меня.

Я кивнул. Казах равнодушно сказал, разглядывая мой паспорт:

- Вы арестованы за следование по территории Казахстана с недействительным паспортом!

Я на время даже потерял дар речи. Нет, конечно же, узбекская милиция тоже придиралась к нашим документам - чего стоили одни только постоянные требования регистрации! Но узбеки никогда не вели себя столь грубо. В Узбекистане, даже находясь в отделении милиции, мы были в некоторой степени гостями стражей правопорядка, и соответственно находились под защитой древних законов гостеприимства. А здесь... "Прямо как на Родине!" - подумал я и невесело усмехнулся.

То ли усмешка вышла слишком демонстративная, то ли казах все принял на свой счет - не знаю. Но он поднялся из-за стола во весь свой огромный рост и процедил:

- Ты, русский, еще зубы здесь скалить будешь?

В это мгновение я почувствовал, как сзади мне заламывают руки и толкают в "обезьянник". Дюжий сержант грубо пнул меня в спину и защелкнул дверь.

- Расим, соедини с центральной, повезем этого в город, - сказал ему начальник, после чего обернулся к моим спутницам, которые с ужасом наблюдали за происходящим, сидя на лавке в углу участка:

- К вам у меня вопросов нет. Можете быть свободны.

Но вопросы появились у моей жены. Она не стала кричать на полицейского, как нередко делала это в Узбекистане. Наташа просто подошла к его столу и спокойно произнесла:

- Я требую соединить меня с российским консулом!

Казах поднял на девушку глаза, в которых я впервые прочел некоторое подобие эмоций - в основном изумление, смешанное с тревогой.

- Я требую присутствия здесь российского консула! - еще более жестко повторила моя жена, и, пользуясь замешательством офицера полиции, продолжала:

- Вы оскорбляете честь и достоинство граждан другой страны. Если здесь не будет адвоката и представителя российской власти, которые будут защищать интересы моего мужа, вы спровоцируете международный скандал!

"Во дает! - я с восхищением смотрел на Наталью, держась за прутья клетки, - где она этому научилась?"

Азия есть Азия. Еще недавно полновластный хозяин наших судеб смешался, испугавшись гнева вышестоящего начальства, а более всего - какого-то консула. Про должность такую он слышал, но где найти консула в городе Шымкент, и не будет ли в итоге хуже от этих поисков ему самому? Вдруг этот русский парень действительно ничего не нарушал? Уж больно уверенно говорит его жена, на вид совсем девочка, но с таким жестким взглядом карих глаз...

Думая подобным образом, офицер кивком головы велел своему напарнику выпустить меня, молча сунул мне в руку несчастный советский паспорт и указал нам на дверь. Но Наталья стояла перед ним, и явно уходить не собиралась. Тут уже испугались мы оба - и я, и полицейский. Я - что он передумает или правда начнет безумные поиски консула, а он - что жена русского потребует чего-то еще. Но Наталья просто растягивала минуту своего торжества - спокойно развернувшись, она вышла из отделения полиции, а мы с Лидой, подхватив рюкзаки, последовали за ней.

Упав на лавки вокзала, мы переводили дух после очередного приключения.

- Как тебе пришло в голову позвать в эту дыру российского консула? - спросил я у Наташки.

- Твоя школа, - усмехнулась она, все еще раскрасневшаяся от волнения, - помнишь, в Крыму нас тоже заперли в "обезьянник", и тогда ты стал кричать и требовать консула. Мы еще на поезд чуть не опоздали из-за этих козлов...

- Да, помню. И беру назад свои слова о том, что вы ничему толковому не могли научить местных красавиц в своем феминистском кружке! - я засмеялся, и мы отправились в город - до поезда на Бишкек было еще несколько часов.

Читатель, хотя бы немного знакомый с географией Средней Азии, может задать здесь резонный вопрос: почему на Бишкек? Из Шымкента в Алматы можно попасть гораздо более простым способом, не пересекая лишней раз границу и не посещая столицу соседнего Кыргызстана. Да, совершенно верно. Но в таком случае можно было приехать в Алма-Ату и из Москвы - тогда бы не было всех наших многочисленных приключений, как и этой книги. К тому же, я обещал девочкам отдых на Иссык-Куле - легендарном высокогорном озере в центре Киргизии. Они были совершенно измучены всей этой безумной Азией, и хотели одного - просто

повалиться на пляже. Поэтому мы решили сделать "небольшой" крюк и прийти в Алма-Ату через горы, прямо с берега Иссык-Куля - по путеводителю итальянцев, встреченных нами на Арале, тропа через горы была.

А пока мы, гордые победой над казахским правосудием, бродили по городу Шымкенту, разыскивая достопримечательности. Нашли только дешевую столовую, где подкрепились самсой и лагманом, и заведение "Шаштразы" - парикмахерскую. Наталья, будучи героем дня, подровняла прическу, и что было для нее главным подарком - бесплатно помыла голову!

К БЕРЕГАМ ИССЫК-КУЛЯ

Утром в Бишкеке было прохладно – в конце августа в горах наступала осень, и ее дыхание касалось даже теплой Чуйской долины. На пустынной площади автовокзала стояли в ряд красные рейсовые «Икарусы». Сверившись с картой, мы купили билет до поселка Григорьевка, загрузили рюкзаки в автобус «Бишкек-Каракол» и отправились завтракать в вокзальное кафе. До отправления автобуса оставалось 15 минут, но я привык, что в Азии никто никуда не спешит, и мы со вкусом поглощали горячие манты и самсу, запивая зеленым чаем. Девушки весело щебетали, я отдыхал, откинувшись на спинку стула. Наконец, сладко потянувшись, я взглянул на часы – наш «Икарус» должен был отправиться в путь. Я расплатился, и мы вышли на вокзальную площадь. Солнце только вылезло из-за горизонта, и еще минуту я простоял, жмурясь от удовольствия. Потом мы не спеша пошли к нашему автобусу, сели на свои места, и тут я с ужасом обнаружил, что пропал мой рюкзак! Я бросился к водителю, который загружал чьи-то вещи в багажный отсек, и понял, что это не наш водитель. Внутри все похолодело. Мы метались между автобусами, заходили в салоны, но не могли найти свой «Икарус»!

- Эй, парень! – окликнул меня один из водителей. – На шестичасовой садились? Так он уж уехал!

- Как уехал? А как же мы? Там же наши вещи! – закричала Наташка, а Лида только удивленно хлопала глазами.

- Обижаешь, сестренка! У нас все строго по расписанию. Опоздали – сами виноваты.

Тут, видя наши совершенно растерянные физиономии, водила улыбнулся и сказал:

- Ладно, чего стоите? Еще, может, догоните на светофоре. Вон туда, наискосок бегите, через парк!

Как же я бежал! Я в жизни так быстро не бегал. Жаль, не было наблюдателей с секундомерами – наверняка планка мировых рекордов поднялась бы на одну ступеньку. Когда я выскочил на перекресток, уже зажегся зеленый свет, и наш автобус начал медленно поворачивать на трассу.

- Сто-о-ой! – заорал я как сумасшедший и бросился за ним. К моему удивлению, автобус затормозил, и даже открыл дверь.

- Вы что, с ума сошли? – заорал я на водителя, русского мужика с носом-картошкой и седыми висками. – Как вы могли уехать с чужими вещами, не дождавшись пассажиров? Даже не звали на посадку!

- Ты что орешь, а? Ты откуда вообще такой взялся? На посадку его звать! – водила хмыкнул и оглянулся на пассажиров, с интересом наблюдающих за происходящим. - У нас здесь не Узбекистан, понял?

И тут я понял. Действительно, привыкнув к узбекскому транспорту с его «плавающим» расписанием, мальчишками-зазывалами и отсутствием билетов, мы совершенно расслабились. Настала пора привыкать к цивилизации – хотя бы к некоторым ее проявлениям.

- Ладно, мы были не правы, - вздохнул я. – И мы на самом деле только что из Узбекистана...

- Да я уж понял, что не местные... - водитель смягчился. – Путешествуете?..

Пока я вкратце рассказывал всему салону историю наших блужданий по Средней Азии, к автобусу прибежали запыхавшиеся Лида и Наташка.

- Ну что, теперь никого не забыли? Тогда поехали! – дверь, шипя, закрылась, и наш автобус покотился в сторону горного озера Иссык-Куль.

Иссык-куль переводится с киргизского как «горячее озеро», однако пусть это не вводит в заблуждение читателя. Вода в озере летом холодная, а вот зимой Иссык-куль не замерзает – не из-за температуры воды, а из-за небольшой солености. Если сварить макароны в такой воде – то в самый раз, а вот чай получается весьма противным.

Поселок Григорьевка, куда мы прибыли после пяти часов утомительного путешествия, располагался не на берегу озера, а в семи километрах от него, у подножия хребта Кюнгей-Алатоо. Накупив в поселке абрикосов, яблок и лепешек, мы отправились к озеру.

Волны мягко накатывались на пляж, горы на другом берегу таяли в дымке, и казалось, что стоишь на берегу моря. Вокруг раскинулись заросли облепихи, увитые лианами. Два дня мы провели в этом благословенном безлюдном уголке, купаясь, загораая и отдыхая после шумных и тесных городов Узбекистана.

ПЕШКОМ - В АЛМА-АТУ

Преодолев за пару часов расстояние, отделяющее берег Иссык-куля от подножия гор, мы начали подниматься на хребет Кюнгей-Алатоо. Вместо карты у нас был лист из блокнота, на который я срисовал нитку маршрута из путеводителя итальянцев, встреченных нами на Аральском море. Мелкий масштаб и погрешности копирования привели к тому, что я знал лишь одно: примерно через сто километров движения на север мы должны прийти в Алма-Ату. А перед нами вставал во всей своей суровой красоте Северный Тянь-Шань. О высоте перевалов, которые нам предстояло взять, я только догадывался. И, забегаая вперед, хочу сказать, что в

действительности все оказалось гораздо выше, сложнее и холоднее.

В горы вела хорошо утоптанная тропинка, время от времени встречались юрты киргизов, где гостеприимные хозяева предлагали за умеренную плату подкрепиться горячими мантами, прокатиться на коне или сфотографироваться с беркутом на плече. Вообще в Кыргызстане к путешественникам удивительно хорошее отношение. У нас ни разу не проверили документы, а когда я сам подошел к милиционеру узнать о регистрации, тот улыбнулся и сказал: «Зачем регистрация? Вы - наши гости!»

И знаете, я ему поверил. Несмотря на то, что еще несколько дней назад был задержан в соседней республике как пособник ваххабитов. Кстати, 2001 год был объявлен в Кыргызстане «Годом туризма», и властям как-то удалось донести эту немаловажную для нас информацию практически до каждого чабана, до каждой юрты. На Востоке слово владыки – закон. А когда закон совпадает с изначально хорошим отношением к русским и традиционным гостеприимством, получается просто сказка. Одним словом, в Кыргызстане мы себя чувствовали, как дома.

Конечно, были и необычные встречи. Проходя мимо одной из юрт, я услышал заговорщицкий шепот, явно обращенный ко мне:

-Э-эй, брат, подойди, дело есть... - я обернулся, и увидел паренька-киргиза, выглядывающего из-за полога юрты.

- Салам, брат! – поздоровался я, кивнул своим женщинам – мол, все в порядке, ждите - и зашел в юрту. На кошмах лежали молодые киргизы, курили и вели неспешную беседу. Мне молча налили чаю и пригласили сесть.

- Слушай, брат, ты турист, да? – спросил тот, что позвал меня.

- Ну, вроде того, а в чем дело? – честно говоря, мне не очень понравилась компания, и я собрался уходить.

- Понимаешь, туристов пограничники не обыскивают. Да их обычно и нет там, на перевале, - поспешил добавить киргиз, - вот, возьми пакет травки, в Алматы отдашь человеку, он тебе деньги даст, и все. Что, поможешь?

Заметив смущение на моем лице, другой паренек схватил меня за рукав и сказал:

- Да ты не бойся, трава хорошая, кури сам, девочкам дай, там много, хватит! А хочешь – просто купи у нас ее, а?

- Нет, ребята, я не курю! Спасибо – и счастливо вам! – с этими словами, улыбаясь, я поднял полог юрты и вышел наружу.

Спеша покинуть юрту наркоторговцев, мы бодро шагали по тропинке, и я рассказывал девочкам о происшедшем.

- И ты что, не взял?! – закричали они в один голос. Тут настала моя очередь удивляться. Ладно Наташка – она курила анашу еще в школе, но Лида? А Лида вторила моей «первой жене» и говорила: вот, раз в жизни выпал случай на халяву попробовать наркотики, а он отказался! Я

разозлился, напомнил женщинам, что они все еще в Азии, где мужчина принимает решения, и мы пошли дальше. Но потом девчата еще не раз поминали мне потерянные килограммы бесценной анаши...

Вечером, взбираясь на очередной подъем, я заметил на берегу реки яркий тент палатки. Около костра сидели двое европейцев, и явно готовились хорошо подкрепиться. Мы подошли, поздоровались. Почему-то по-русски. И почему-то нам тоже ответили на «великом и могучем»:

- Здорово, здорово! Куда путь держим? – спросил старший, мужчина лет сорока, напоминающий героев фильмов про альпинистов. Младший, совсем еще мальчишка, мешал в котелке закипающую похлебку.

- Да вот, идем в Алма-Ату, - бодро ответил я, - у меня там бабушка живет, десять лет не виделись..

- В Алма-Ату-у? – протянул старший, и удивленно окинул взором меня и моих спутниц. – А снаряжение у вас есть? Горы-то не шуточные...

Тут я посмотрел на девушек, на себя, и понял сомнения альпиниста. Самой теплой обувью у нас были кроссовки, вместо штанов остались шорты, легкие рубашки, курточки и бейсболки дополняли комплект снаряжения под названием «Перевалим Тянь-Шань в рекордно короткие сроки!». А перед нами сидели люди в горных ботинках, куртках «Goretex», у палатки я заметил кошки и ледорубы.

- Ладно, давайте знакомиться, - вывел меня из оцепенения старший альпинист, - Меня Саша зовут, это Юрка, мой сын. Мы как раз сверху идем, на Иссык-Куль. Разбивайте лагерь, вечером посидим, сверим карты, маршруты...

При словах «сверим карты» я совсем погрузился. Мы остановились недалеко от наших новых знакомых, на берегу речки Ак-Суу, поставив палатку под двумя огромными елями. Горы поднимались вокруг черными силуэтами, манящие и грозные одновременно, а над ними рассыпались крупинки казавшихся совсем близкими звезд. Когда вода закипела, я бросил в котелок горсть заварки и пучок чабреца. Бодрящий терпкий запах поплыл над шумной холодной Ак-Суу, и из темноты вышли Саша и Юра.

- Что, путешественники, чаевничаем? – Саша улыбнулся и присел около костра. Достав планшет с подробной топографической картой Северного Тянь-Шаня, он показал нам маршрут, который они прошли с сыном.

- Вот так, четыре восхождения, двенадцать перевалов за две недели, - подытожил альпинист, - теперь недельку позагораем на Иссык-Куле – и назад, в Москву...

- Так вы из Москвы?! – изумился я, - Вот это да! Мы тоже.

- Ну, мир тесен, это известно, - спокойно произнес Саша, но было видно, что ему, как и нам, очень приятно встретить земляков за 4000 километров от дома. Потом настала моя очередь рассказывать. Когда я закончил описание наших злоключений в Узбекистане и перешел к планируемому переходу через горы, раздался робкий голос:

- Па, слушай, может ребятам дать какую-нибудь снарягу? – Юра смотрел на нас широко открытыми глазами, явно не понимая, как можно так безответственно относиться к собственной жизни.

- Что ж, это можно, - сказал Саша, и с одобрением посмотрел на сына, - и нам не тащить лишнее, и вам пригодится.

Так у нас появились кое-какие теплые вещи, альпеншток и бесценная орографическая карта, на которой были обозначены все тропы, вершины и перевалы. Саша подробно рассказал мне, как идти, и успокоил моих спутниц:

- В целом, маршрут несложный. Пенсионеры из Алма-Аты на Иссык-куль ходят, школьники. Дня три-четыре, не больше. Если с погодой повезет – послезавтра уже будете спускаться к городу ...

Утром мы простились с Сашей и Юрой, которые бодро свернули лагерь и на рассвете тронулись в путь, к Иссык-Кулю. На прощание обменялись адресами, и Саша крикнул, обернувшись:

- Будьте осторожны! Горы шуток не прощают!...

Тропинка шла вдоль быстрой горной речки, то подходя к обрывистому берегу, то скрываясь среди могучих стволов тьянь-шаньских елей. Наконец, лес расступился, и нашим глазам открылась широкая долина, которую замыкали покрытые вечными снегами горы. А на берегу речки стояла очень странная юрта. Вернее, юрта была самая обыкновенная, но вместо традиционных вышитых лент была обмотана... рекламным баннером «Coca-Cola»! Я не мог сдержать смех – красно-белый плакат удивительно напоминал издали национальные орнаменты киргизов, и в то же время был символом совершенно чуждой им цивилизации. Конечно же, я зашел внутрь. В юрте жила семья киргизов, и занимались они весьма традиционным занятием – пасли баранов и лошадей. Хозяин, Чолпонгул, пожаловался мне, что туристы почти никогда не доходят до его юрты – уж больно высоко. Но для редких гостей он припас любимый напиток. С этими словами старый киргиз угостил нас баночкой «Сока-Cola»...

Вечером мы остановились в месте, где долина сворачивала на запад, перед самым подъемом на перевал Ак-Су. Холодный ветер стекал с ледника, и ночью пришлось натянуть на себя все теплые вещи. «Да-а, - думал я, - мы еще и до перевала не дошли, а уже такой дубняк...»

Однако утреннее солнце, выглянув из-за хребта, растопило мои тревоги и сомнения. Быстро позавтракав, мы направились к перевалу. Постепенно роскошная трава альпийских лугов уступила место лишайникам и голым камням, все чаще по краям тропинки лежал снег. Судя по карте, мы уже поднялись почти на три с половиной километра, и на подъемах было трудно дышать. Наконец, взобравшись на очередную гряду, сложенную рыхлыми отложениями ледника, мы увидели впереди перевал. Но как же он был высоко! Теперь тропинка прижалась к скале, с другой стороны обрываясь в ущелье. Солнце слепило глаза, отражаясь от белоснежных вершин Кюнгей-Алатоо, когда мы наконец поднялись на перевал Ак-Су. Высота над уровнем моря

составляла 4100 метров, голова слегка кружилась. Вид с перевала открывался фантастический, напоминая картины Рериха. С одной стороны вниз убегала долина, по которой мы только что поднялись, с другой спускалось мощное тело ледника, усыпанного валунами. С севера натягивало мрачные тучи, дул холодный ветер. Мы поежились, накинули рюкзаки и поспешили вниз, в следующую долину.

Идти по леднику, я вам скажу, совсем не просто. Огромная живая льдина, медленно ползущая вниз, в разных местах разбита трещинами, покрытыми свежим снегом, ее пересекают ручьи, иногда со склонов с грохотом срываются огромные камни. И от ледника исходит жуткий холод – тянет, как из морозилки хорошего холодильника. Нам здорово пригодился альпеншток, подаренный альпинистами – я шел впереди, проверяя трещины, перепрыгивая через ручьи, а затем помогал перебираться девчонкам. Одна была радость – шли мы все время вниз, и вскоре ледник закончился. Дальше мы спускались по речке, иногда переходя с берега на берег по снежным мостам. Наконец, мокрые и замерзшие, мы вышли на тропинку, которая к вечеру привела нас в широкую долину реки Чон-Кемин.

Переночевать решили на озере Жасык-Кель, про которое нам рассказали Саша и Юра. Озеро лежало в стороне от тропы, под ледником, и образовалось в результате огромного оползня, который перегородил течение одного из притоков Чон-Кемина. Вскарabкавшись на оползневую плотину, сложенную из глины и валунов, мы увидели озеро. Окруженное горами, озеро меняло цвет от зеленого до ярко-голубого, а заходящее солнце окрасило в розовые цвета снежные шапки окрестных вершин. Трудно словами передать все очарование этого момента, и я не знаю, сколько мы простояли там, глядя на волшебную смену красок. Но вот солнце скрылось за горами, склоны потемнели, и мы стали спускаться к берегу Жасык-Келя. Название переводится с казахского как «голубое озеро», люди на нем бывают редко – слишком далеко от тропинки, соединяющей перевалы. Но мы не жалели, что забрались сюда.

Да, надо сказать, что мы уже пересекли границу и вновь были в Казахстане. Разумеется, никаких пограничников, постов и шлагбаумов на высоте 4100 метров мы не обнаружили. Девушки еще раз посетовали на то, что я отказался от анаши, и мы улеглись спать.

Утром погода испортилась, подул холодный ветер, а когда мы собрали лагерь, стал накрапывать дождь. Натянув на себя куртки, которые от дождя, конечно, не спасали, мы понуро брели по тропинке к следующему перевалу. По пути пришлось преодолеть несколько мощных ручьев, один из которых чуть не унес Лиду. Промокли мы уже насквозь, дождь пошел сильнее, а низкие тучи закрыли горы вокруг. Мы брели в ледяном тумане, и я понятия не имел, где находится перевал Озерный.

Свернув наугад направо, мы стали подниматься в гору прямо по склону, оскальзываясь на мокрой траве. Я вспомнил, как однажды заблудился в Хибинах со школьниками. Мы тоже взбирались на перевал в тумане, вроде даже поднялись, с огромным трудом спустились, а когда тучи развеялись, выяснилось, что мы стоим в той же долине, откуда начали путь. От мыслей этих

легче не стало, но тут неожиданно я вышел на раскисшую грунтовую дорогу. Из рассказов Саши я вспомнил, что киргизы строят трассу на Алма-Ату через Озерный перевал, и участок до Чон-Кемина вроде уже готов. Дорога огромным серпантинном поднималась вверх, но мы решили и дальше идти напрямик по склону. Когда до перевала оставалось несколько витков дороги (мы их считали, что бы хоть как-то ориентироваться в этом холодном молоке), пошел снег. Он падал сначала мелкой крупой, потом повалил огромными мягкими хлопьями, забиваясь в глаза и в нос, таял за шиворотом. То, что мы поднялись на перевал, мы узнали по резкому холодному ветру, который ударил в лицо. Я почти бежал, чтобы не замерзнуть, девчонки стали отставать, особенно Лида. Она с утра была какая-то сонная, и всю дорогу еле передвигала ноги. Когда началась пурга, я привязал к ее рюкзаку альпеншток, яркой желтой ручкой вверх, и теперь мог издалека видеть, идет Лида или уже нет.

Мело по-прежнему, мы брели по огромному плато, а спуска все не было. Пальцы уже не гнулись, меня трясло. Идущая сзади Наташка неожиданно закричала: «Смотри, там впереди домик! Давай переждем!»

Я посмотрел в указанную сторону, и правда заметил времянку. «Наверно, оставили строители дороги», - подумал я. Наташка уже вовсю бежала к укрытию, я дождался Лиду и мы тоже двинулись в сторону вагончика. В тумане все расстояния были искажены, и шли мы довольно долго. Когда я в очередной раз поднял глаза от носков своих мокрых кроссовок, передо мной оказался совсем не вагончик и не времянка, а... огромный квадратный валун. Под ним сидела моя жена, закрыв глаза, и явно готовилась умирать.

- Наталья, подъем! – заорал я, и стал трясти ее.

- Отвали, дурак! Это ты нас сюда затащил! Надо было на автобусе ехать! – Наташка отпихнула меня, снова сжалась в комок, и стала дрожать. Сзади подошла Лида и молча села в сугроб, закрыв глаза. Только альпеншток покачивался от ветра, как бы сигналив: все, Константин, пришли...

Не знаю, каким чудом мне удалось растряссти своих замерзших подруг, но девчонки в конце концов поднялись и побрели за мной по бескрайнему заснеженному полю. Я думал, что вот-вот начнется спуск, но его все не было и не было. Девушки уже ревели в голос, и их всхлипывания за спиной отнюдь не прибавляли мне оптимизма.

- Да остановись ты наконец! – заорала Наталья, - Я еще детей рожать хочу, понял? Давай ставить палатку и греться!

- Наталь, нет смысла, - отвечал я как можно спокойнее, - Сейчас спустимся вниз, там будет тепло...

- Мы уже два часа «спустимся вниз»! – всхлипывая, передразнивала меня жена, - Мы здесь сдохнем по твоей милости!

В это время подошла Лида и просто упала на землю.

- Кость, я больше не могу, - пробормотала она замерзшими губами и закрыла глаза. Я

понял, что второй раз девчонок не подниму, и сказал:

- Ладно, только вы мне помогаете. Быстро!

Трясущиеся Лида и Наташка держали тент, я под ним быстро собирал палатку. Когда все было готово, мы забрались внутрь, зажгли горелку и переоделись – к счастью, еще оставались сухие вещи. Я сделал вылазку к ближайшей луже, набрал воды и вскипятил чай. Согревшись, мы залезли в спальники и просто отключились на несколько часов...

Когда я открыл глаза, сквозь ткань палатки светило солнце. Дождя не было. Выглянув наружу, я увидел всю ту же заснеженную равнину, плавно спускающуюся к северу. До спуска с плато мы не дошли каких-то сто метров!

Девчата проснулись отдохнувшие, мы собрались и пошли дальше. Вниз идти было легко, солнышко припекало, по краям дороги сидели толстые сурки и насвистывали свои песенки. Вскоре показались первые деревья, а за ними озеро Большое Алма-Атинское, откуда в город поступает питьевая вода. В лесу на его берегу мы и остановились на ночлег.

У БАБУШКИ ЭРНЫ

Мы спускались к Алма-Ате по тропинке, идущей вдоль огромной трубы. Ноги утопали в мягкой траве, качал розовыми соцветиями иван-чай, с обеих сторон нависали темно-зеленые лапы тянь-шаньских елей. Около пансионата, уютно расположившегося в горной долине, тропинка вышла на асфальтовую дорогу, где моим спутницам сразу удалось «застопить» машину до города. Мы неслись на старенькой «Волге» вниз, и вскоре горы разошлись, открыв вид на бескрайнюю казахскую степь. А прямо под нами лежала Алма-Ата – огромный город, утопающий в зелени садов, и в то же время накрытый грязным облаком смога. Водитель высадил нас на автобусной станции, и укатил, не взяв предложенных денег. Я достал из рюкзака мятую бумажку с адресом бабушки, и мы углубились в недра бывшей казахской столицы.

Бабушка Эрна жила на окраине города, на улице Зеина Шашкина, бывшей Университетской. Я подошел к двери... и не сразу нажал кнопку звонка. Честно говоря, я вообще бабушку Эрну не помнил. Мои мама и тетя писали ей письма, тетя ездила в Казахстан, но для меня бабушка Эрна была совершенно чужим, незнакомым человеком. Я еще раз глубоко вздохнул и позвонил в дверь.

- А, приехали, путешественники! – дверь открыла невысокого роста пожилая женщина в халате, подтянутая, с узлом седых волос на затылке. – Ну, Костя, вырос, вырос! И не узнала бы тебя! Так, а это кто? Ну, это Наталья, видела фотографии, тетка твоя привозила.

- А это Лида, Наташина подруга! – представил я свою юную спутницу.

- Молодцы, добрались! Так, в дверях не стоим, проходим, - бабушка распорядилась так четко и решительно, что мы все делали, не задумываясь, - Теперь – в ванную, или сначала кушать?

Мы переглянулись, не зная, какое из благ цивилизации предпочесть. В результате Наташка пошла мыться, а мы с Лидой занялись разборкой вещей и просушкой их на балконе.

Бабушка Эрна уже много лет после смерти мужа жила одна, а в последние годы стала сдавать одну комнату семье казахов. Причем относилась к ним как к родным, а не квартиросъемщикам. Помогала, сидела с детьми, но и спуску не давала, если что не так – строгая оказалась бабушка! А когда соседскому ребенку исполнился год, казахи попросили бабушку перерезать нить из верблюжьей шерсти, которой связывали ноги малышу – согласно поверью, с этого момента ребенок начинал ходить. Так урожденная австрийка Эрна Гаунгольтер стала родной бабушкой казахскому мальчишке...

Когда мы помылись и привели себя в приличный вид, на столе уже дымились блюда с горячей дунганской лапшей. Это коронное блюдо моей мамы я любил с детства, но бабушка приготовила что-то просто восхитительное. Представьте себе вручную сделанные длинные макароны, обильно политые подливкой из перца, помидоров и мяса, приправленные соусом из уксуса и чеснока... Когда с лапшей было покончено, на столе появился огромный спелый арбуз. Когда мы разделались с арбузом... когда мы разделались с арбузом, встать из-за стола мы уже не могли. Бабушка Эрна предложила устроить «тихий час», а вечером прогуляться по городу. Мы согласились, и проспали почти до шести часов вечера.

ЯБЛОЧНЫЙ ГОРОД

Мы шли по вечерней Алма-Ате, удивительно красивому городу, утопающему в зелени. Повсюду благоухали цветы, названия многих из которых я даже не знал, достигающие высоты в рост человека. Солнце катилось за горы, и все краски были теплыми, мягкими, и длинные тени шагали впереди нас по горячему асфальту.

- Вот дом, где родилась твоя мама! – бабушка показала на серое пятиэтажное здание. – Когда завод эвакуировали, Виктору и Розе дали здесь квартиру. Потом в другую квартиру перебрались, но тот дом землетрясением разрушило. Ну, а после войны они в Москву вернулись, ты это знаешь.

Я вспоминал мамины рассказы про Алма-Ату. Про цветы, про горы, про землетрясение, когда бабушка Роза выскочила из дома в одной ночной рубашке с мамой на руках, а через мгновение дом рухнул.

Вечерело. Мы шли по парку Имени героев-панфиловцев. Бабушка привела нас к резной деревянной церкви, нарядно раскрашенной, очень необычной постройки.

- Это храм, где еще Пржевальский молился, отправляясь из Верного, как раньше Алма-Ату называли, в свои путешествия. Построен без единого гвоздя, на особом фундаменте. Когда было страшное землетрясение в начале XX века, он один устоял. С тех пор особо его почитают, даже не взорвали в тридцатые годы. От старой Алма-Аты он один, почитай, и остался...

Вернулись мы уже в темноте, попили чай, и легли спать, следующим утром решив

отправиться на высокогорный каток Медео.

Дорога на Медео поднималась в горы вдоль реки, где через каждые несколько сот метров стояли противоселевые заграждения – циклопические сооружения из стали и бетона, призванные разбить селевой поток и остановить несущиеся на город каменные глыбы.

Наконец, автобус преодолел последний подъем, взревел двигателем и остановился. Дальше мы шли пешком. Узкую горную долину преграждала огромная плотина, на которую вела длинная каменная лестница. А под плотиной располагался знаменитый каток Медео, который славился на весь мир из-за чистоты льда, где ставились многие мировые рекорды. Но после распада Союза каток захирел, и уже не блистал прежним великолепием. Мы поднялись на трибуны – обшарпанные кресла, потрескавшиеся полы, грязь. На самом катке грустные казахи что-то сколачивали, подметали, выносили мусор.

Разочаровавшись в катке, о котором мне так много рассказывала мама, мы стали подниматься по бесконечной лестнице. Насчитав 820 ступеней, я наконец выбрался на смотровую площадку. Да, ради этого стоило приезжать на Медео! Вниз, к Алма-Ате, уходила горная долина, а под ногами лежало огромное искусственное озеро – селеуловитель. Сели, страшные грязевые потоки, разрушали город еще больше, чем землетрясения. Несущийся со скоростью поезда поток из грязи, льда, огромных камней сносил все на своем пути, выжить под застывшей ледяной коркой было невозможно. Поэтому и построили селезащитную плотину и всю систему противоселевых сооружений. Сначала сель должен был наполнить искусственное озеро. Если бы озеро не остановило его, то поток разбили бы на ручейки надолбы, заграждения, селеотводы, стоящие на всем протяжении до города. Правда, после постройки плотины сель ни разу не сошел, словно смирившись перед трудом человеческим.

Все это я прочел на плакатах, установленных на плотине. Тем временем на площадку поднялись и мои запыхавшиеся спутницы. Полюбовавшись на горы, мы подкрепились в кафе и поехали обратно в Алма-Ату. Я, конечно, первым делом отправился в исторический музей, куда смиренно побрели и Наташа с Лидой. Новое здание музея, украшенное небесно-голубыми куполами, являло собой типичный образец нового казахского зодчества – возврат к традициям ислама и кочевых предков. Обычно в таких постройках размещались правительственные учреждения, и я обрадовался статусу музея. Внутри все также блистало великолепием, но огромные просторные залы казались полупустыми.

«Да-а, - думал я, - Хоть вы и пишете повсюду, что история Казахстана насчитывает 3000 лет, а экспонатов набрали от силы лет на 500».

В последние годы суверенные республики Азии просто помешались на своей истории, на том, кто древнее и культурнее, и правители стран совершают деяния, за которые историки будущего будут их проклинять. Например, президент Кыргызстана Аскар Акаев отдал китайцам часть территории страны в обмен на старинный манускрипт трехтысячелетней выдержки, где упоминается народ «Кыр-Кыз». Ничего, что маленькая горная страна стала еще меньше, зато он

мог показать документ Назарбаеву: вот видишь, киргизы-то древнее казахов! Назарбаев в ответ объявил историю Казахстана приоритетным направлением, стал финансировать издание книг, научные исследования. Естественно, финансируемые «пожизненным президентом» раскопки и прочие изыскания привели к желаемым результатам – истории Казахстана более 3000 лет, мама Чингисхана была казашкой, и вообще казахи – самый древний и культурный народ. По крайней мере, в Центральной Азии. Но исследования продолжаются!

Я бродил по роскошным залам, и начинал понимать, почему казахские полицейские, чиновники и пограничники столь грубо и бесцеремонно себя ведут. За десять лет независимости им прочно вбили в головы, что они – лучшая нация. Но червячок сомнения остался в душе у каждого, вот и ведут себя власть имеющие, как трудные подростки... «Горе побежденным, ибо историю их напишут победители!» Но горе победителям, если они так перепишут свою историю, что станут свысока относиться ко всем остальным народам.

С этими грустными мыслями я покинул роскошный музей и вышел цветочное море города, где на лавочке ждали меня совершенно равнодушные к любой истории подруги.

ИОГАНН ИЗ КИРХБИГЛЯ

За ужином мы рассказали бабушке Эрне о своем восхождении на Медео.

- Да, красивое место, я туда раз в месяц обязательно приезжаю, поднимаюсь на плотину. Соседка со мной ездит – но она внизу ждет, а я наверх, по лесенке поднимусь, воздухом подышать. А то в городе смог висит, с гор видели, наверное...

Мы переглянулись, и восхищенно посмотрели на бабушку Эрну. Дай Бог нам в 80 лет бегать по восьмистам ступенькам, чтобы воздухом подышать!

После ужина бабушка достала картонные коробки с фотографиями, и начала обещанный накануне рассказ о моих австрийских предках:

«Иоганн Гаунгольтер, твой прадед и мой отец, был единственным сыном у родителей, он родился 5 мая 1889 года. Отец его был печником, а мать разносила еду пастухам на горных пастбищах. Мать дожила до 70 лет, отец умер рано, оставив Иоганна на руках матери. Иоганн с юности учился ремеслу краснодеревщика, и в основном работал наемным рабочим у владельца небольшой мастерской. В основном приходилось делать гробы, и это очень угнетало молодого Иоганна – он, хороший мастер, со своими инструментами, за гроши делает гробы!

Иоганн был красивым, интересным мужчиной, очень любил детей. Человек он был прямой, открытый, никогда не скрывал своего отношения к происходящему. Если кто-нибудь вел себя недостойно, Иоганн просто прекращал с ним общаться. При этом он всегда всем сочувствовал, в полной мере обладая этим редким даром. Иоганн не тянулся ни к почестям, ни к богатству, просто хотел заниматься любимым делом, завести семью. Но судьба распорядилась иначе - началась Первая Мировая...

В самом начале войны Иоганна забрали в действующую армию, и он в 25 лет оказался в страшной мясорубке на Русском фронте. Иоганну повезло – он попал в плен. Пленных держали в бараке, и Иоганну с другом однажды ночью удалось бежать. Они спрятались в лесу неподалеку, и увидели, как утром казарму облили горючим и сожгли вместе с сотнями пленных. Тех, кто вырывался из объятых пламенем здания, расстреливали на месте...

Потом Иоганн с другом долго бежали по охваченной войной России, и однажды наткнулись на русских солдат. Те хотели расстрелять немцев, но Иоганну как-то удалось убедить солдат отпустить их. «Пожалуйста, не надо нас стрелять!» - на плохом русском языке попросил Иоганн, и произошло чудо, к счастью не редкое в то страшное время – русские сжалились над врагами и отпустили их на все четыре стороны.

Потом долгие месяцы друзья скитались по России. Иоганн очень любил рисовать, и подрабатывал краснодеревщиком – в основном в деревнях они с другом реставрировали иконы, оклады икон, церковные купола - тем и перебивались в голодное время. Русские люди очень хорошо принимали их, кормили, давали одежду и все необходимое. Попав в очередной раз в плен, они были этапом отправлены во Владивосток, откуда их должны были депортировать в Европу.

Во Владивостоке всех пленных, которые добрались до окраины Российской Империи, погрузили в пароход для отправки на родину. Иоганн рассказывал, что это были самые страшные минуты в его жизни. «Мы уже простились с жизнью – думали, что наш корабль просто затопят в открытом океане, что в то время было нередким явлением». Но, к его удивлению, через несколько месяцев пароход бросил якорь в порту Милана, откуда друзья добрались до родного города.

Дома по Иоганну уже отслужили панихиду, как по погибшему на фронте, и родные просто не верили своим глазам – Иоганн буквально вернулся с того света. Война оставила страшный след в душе молодого австрийца. Когда мать спрашивала его, почему он не ходит в церковь, Иоганн отвечал: «Тот, кто побывал на Великой войне, не может верить в Бога и его милосердие...» Мать настаивала, и однажды Иоганн сказал: «Если будешь заставлять ходить в церковь – утоплюсь! Бог твой несправедлив, и я в него не верю!» Так же Иоганн относился и к различным партиям. Всю жизнь он оставался неверующим и беспартийным.

Иоганн снова начал подрабатывать в мастерской у краснодеревщика. Как раз в то время, в 1926 году, в Австрии организовали коммуну «Ульфельд». Добровольцев приглашали ехать в Казахстан, заниматься сельским хозяйством. К тому времени Иоганн успел жениться на Терезе Куртц, которая была на 11 лет младше его. В 1922 году у них родилась дочь Роза, в 1923 – я, Эрна. Моя мама, Тереза, работала посудомойкой в небольшом ресторане в Кирхбигле. У Терезы была старшая сестра, на двадцать лет старше ее, но она не признавала нашу семью, и мы не общались.

Иоганна очень тянуло в Россию. Привлекало его то, что люди там питаются натуральными продуктами, но прежде всего, необъятные просторы, бескрайние степи. «Там столько простора, столько свободы, степей – уедем! Степи, раздолье, никто не ущемляет тебя, и все встречают радушно – русский ты, не русский, неважно. Накормят, напоят, спать уложат. Решено, едем!»

Так, в 1926 году, в марте, они приехали в Кызыл-Орду, столицу Казахской ССР. Коммуна «Ульфельд» планировала заниматься сельским хозяйством и строительством. Но в голой степи сельхозработы оказались пустой тратой сил, строить тоже было нечего, и в 1927 году коммуна распалась, очень многие ее участники вернулись на родину. Но Иоганн Гаунгольтер возвращаться не собирался.

Иоганн любил путешествовать, на месте ему не сиделось. В начале тридцатых годов он с семьей уехал на Камчатку, работать по контракту. На Камчатке он построил лесопильный завод, деревообрабатывающие мастерские. Жили они недалеко от сопки, которая часто извергалась, несколько раз в год. Я до сих пор вспоминаю Камчатку, ее вулканы, океан... У Иоганна было большое производство, много учеников.

На Камчатке мы получили письмо, где сообщалось, что умерла мать Терезы. Хотя отношения не поддерживались, все тяжело переживали это известие.

Там же, на Камчатке, я и Роза пошли учиться в школу – я в первый, а твоя бабушка Роза во второй класс. Но на Камчатке Иоганн пробыл недолго. В то время на полуострове было американское снабжение продуктами, и Иоганн отказался есть консервы, а не натуральные продукты.

Он с семьей переехал в город Верный, как тогда назывался Алматы, и заключил контракт на строительство мясокомбината в городе Семипалатинск.

Иоганн работал как иностранный специалист, гражданства СССР у него не было. Всего 10 – 15 семей переехали из Кызыл-Орды в Верный. Некоторые вернулись в Австрию, остальные заключили контракт с Китаем, и уехали туда. Иоганну послали письмо в Семипалатинск, чтобы он собирался и ехал с ними. Но директор строящегося комбината, очень заинтересованный в Иоганне, письмо спрятал под сукно. И только через два месяца Иоганн узнал, что его друзья уехали в Китай. Иоганн был взбешен обманом директора, расторг контракт и поехал в Верный. Но к тому времени все члены бывшей коммуны уже были в Китае.

Что Бог не делает – все к лучшему. Всех австрийцев, которые уехали в Китай, там обвинили в шпионаже и расстреляли. Выжил только один, Гофлингер, председатель коммуны. Он вернулся в Верный. История эта темная, но похоже, что он предал всех остальных, и этим спас свою жизнь. Живя в одно время в одном городе, в Верном, Иоганн и Гофлингер не общались – Гофлингер не показывался на глаза Иоганну, тот тоже не проявлял особого желания встречаться. В Алматы у Гофлингера сейчас живет дочь, Ирина, преподает в школе, но отказывается признать, что отец ее – не русский.

Иоганн же заключил новый контракт – в Ак-Сае, недалеко от Алматы, строили дом отдыха для Совета министров КазССР. Иоганн с семьей переехал жить в этот колхоз, и построил электростанцию, помог настроить оборудование, станки и другое оборудование, которое было преимущественно германского производства. Кстати, с собой Иоганн возил два огромных шкафа с отличным столярным инструментом, фрезерный, винторезный и токарный станки - в Советской России в то время они были редкостью.

Электростанцию надо было пустить к 7 ноября 1935 года, дать свет к празднику, и открыть дом отдыха. Накануне электростанцию запустили, но турбина не заработала... Иоганн сам полез в ледяную воду (дело было в конце октября) и простоял там полдня. Турбина заработала, свет к 7 ноября дали, но сам Иоганн попал в больницу с диагнозом «острое воспаление легких». Его сразу отвезли в город, положили в больницу. Иоганн был в полном сознании. Когда Тереза пришла к нему в больницу, он попросил ее: «Принести мне бутылочку винца, что-то выпить захотелось...». Тереза вышла в магазин, а когда вернулась, Иоганна уже не было в живых... Умер он 25 октября 1935 года. В больнице работали двое австрийцев, которые не отходили от своего земляка ни на шаг. Потом они рассказали убитой горем Терезе, что у Иоганна помимо воспаления легких был брюшной тиф, который и оказался смертельным недугом. Если бы сразу лечили от тифа, Иоганна можно было бы спасти. Ему только исполнилось 46 лет. В то время от тифа умирали тысячи людей, в Семипалатинске тифозные приползали к больнице и умирали у ее стен. Семья наша жила недалеко от больницы, и страшные картины мы видели почти каждый день – мертвых людей грузят в брички, как дрова, и увозят на кладбища...

Тереза написала в Австрию, там еще была жива мать Иоганна, чтобы выслали документы, подтверждающие стаж мужа, для получения пенсии. Мать ответила, прислала документы, и написала в письме: «Как удивительно, что вы еще живы, что вас в степи не разорвали волки. Мы думали, что вы уехали на верную смерть!..»

Тереза осталась одна с тремя детьми, в чужой стране. Председатель колхоза в Каменке очень помог нам, купив все инструменты и станки Иоганна за огромную по тем временам сумму – 3000 рублей. Не столько нужны были ему эти инструменты, сколько он хотел помочь семье покойного друга. Отца вообще все очень уважали и любили, особенно дети. Иоганн, когда работал, всегда обучал ребят и токарному, и фрезерному делу. Он все время собирал около себя ватагу ребятишек, и, нарезав деревянных игрушек, прятал их за спину и загадывал загадки. Кто разгадывал – получал замечательную игрушку. Мы, его дети, даже ревновали отца к соседским ребятишкам.

Тереза поступила на заочные курсы преподавателей немецкого языка, и первый год работала птичницей на фабрике в Ак-Сае, куда ее устроил директор, помня Иоганна. Закончив курсы, она стала преподавать в школе в поселке Каменка, недалеко от Алматы. Потом Тереза закончила Московский заочный институт иностранных языков. Училась вместе с подругой, Захаровой, по происхождению полячкой. Тереза делала задания на немецком, подруга – на

русском. Так и закончили. Но надо сказать, до конца жизни Тереза говорила с сильным акцентом.

В 1938 году семью Гаунгольтер решили выслать из СССР, как австрийских подданных, не имеющих гражданства в Союзе. Роза уже была комсомолкой, училась на рабфаке, я и Герман, младший сын Иоганна, были пионерами. Но никакие уговоры не помогали. «Покинуть пределы СССР в 24 часа, иначе вас арестуют и вышлют в принудительном порядке!», - так ответили власти на просьбу Терезы.

В отчаянье Тереза с детьми поехала в Москву – на перекладных, с постоянным риском быть арестованными. В Москве они поселились в гостинице, но потом заведующая предупредила Терезу: «Вас ищет Министерство иностранных дел, уходите немедленно, иначе арестуют!»

Роза с Терезой, оставив меня и Германа ждать на лавочке в парке, пошли в Кремль, к Калинину на прием. Роза написала заявление о принятии советского гражданства. Результата надо было ждать неделю. Тереза с детьми жила на вокзале, тряслась при виде милиционеров. В Министерстве ей прямо сказали: «Не уедете сами – вышлем!» Она говорила, что в Австрии у нее никого не осталось, возвращаться не кому и незачем – опять батрачить? Говорила, что дети не хотят уезжать, что они выросли в СССР, на что ей резонно заметили: «А мы детей оставим, а вас вышлем!» Этого Тереза боялась больше всего, и за неделю ожидания стала совершенно седой. Наконец, настал день решения Министерства. Я как сейчас это вижу: мы сидим с Германом на скамеечке, выходят Роза и мама, обе плачут. «Что, что случилось? Дали разрешение остаться в СССР и вернуться в Верный, на место жительства!»

Но ни одного документа на руки не выдали. Когда Тереза спросила, что делать, если их арестуют, ей ответили: «Пусть позвонят нам. А документы мы вышлем по месту вашего проживания...»

Распродав последние вещи, Тереза с детьми вернулась за свой счет в Верный. Там их ждали. Председатель колхоза в Каменке даже отправил бричку на вокзал, встречать Терезу с детьми... При школе им освободили комнату, и Тереза снова начала преподавать. Потом семья переехала в Каргалинку, где Тереза также работала в школе и в техникуме, и в Каменку ее возили на лошади, чтобы успела к урокам. Во время войны, когда Плехановский институт был эвакуирован из Москвы в Алматы, Тереза преподавала немецкий язык и в нем.

Меня, только что окончившую техникум, сразу после начала войны отправили в Северный Казахстан, я работала в потребкооперации. Местечко это, Плесновский район, недалеко от Петропавловска, километрах в семидесяти.

Герман к началу войны окончил семь классов, и Тереза определила его через сельсовет в ФЗО. Герман рос непослушным, даже хулиганом, Тереза не справлялась с ним. Из ФЗО ребят отправили в Свердловск, где они закончили курсы поисковиков-золотоискателей. И в 1943 году их отправили в шахты на Урале, между Свердловском и Челябинском, копать золото. Зимы были очень холодные, в шахтах постоянно стояла вода, и Герман вскоре получил такой радикулит, что

не мог даже самостоятельно передвигаться. Брату в то время едва исполнилось шестнадцать лет...

Узнав об этом несчастье, я, уже работая в техникуме, через директора сделала Герману вызов – в те годы без подобного приглашения нельзя было купить билет. Герман формально был зачислен на учебу в техникум в Алма-Ате, и в 1943 году он приехал. Приехал в очень тяжелом состоянии, и врачи ничего не могли сделать. Тереза обратилась за помощью к старой казашке, которая занималась врачеванием, и та сказала: «Ты, дочка, не езди по больницам, не помогут».

«Как не помогут? Он же ходить не может!»

«Не помогут. Лучше иди на конский двор, собери навоз, и сена труху. Все вместе завари, и пусть ноги парит...»

На удивление Терезы, радикулит у Германа действительно прошел, и больше он об этой болезни не вспоминал до конца жизни.

Сразу после выздоровления Герман отправился в военкомат, но там, посмотрев историю болезни, на фронт его не отправили, но зачислили в трудовую армию. Герман снова оказался на Урале, в Челябинске, где работал ссыпщиком (грузчиком) на железной дороге – разгружал составы с разбитой военной техникой, и отправлял металл в доменные печи, на переплавку. Герман рассказывал: «Мне приходилось работать и в жару, и в холод, спать на снегу, ездить в ледяных вагонах – но, спасибо старой казашке, радикулит меня больше не трогал...»

После войны Герман вернулся в Алматы, окончил институт, женился, у него родилась дочь Люся. Тереза переехала жить к внучке в Усть-Каменогорск. Герман сначала год работал учителем географии, потом стал директором школы. Его жена, Мария, работала в техникуме, преподавала бухгалтер, была председателем цикловой комиссии, и секретарем парторганизации. Когда Герман и Маша расписывались, председатель парткомитета, который работал с Машей в техникуме, предложил Герману взять Машину фамилию. Так Герман стал Акимовым. Как сказал председатель, это было нужно и для работы, и для жизни – после войны фамилия Гаунгольтер воспринималась, мягко говоря, враждебно.

Я после войны вернулась в Каргалинку, имея за плечами два года трудового стажа. В Каргалинке в то время образовали Высшую кооперативную школу переподготовки специалистов. После двух лет обучения я окончила учебу и осталась работать в этой школе. Через год ВКШ ликвидировали, я поехала в Москву, сдавать ликвидационный баланс, оформлять документы и отчеты о работе. На базе ВКШ организовали техникум. Поступала в иняз, на немецкое отделение. Из 125 человек приняли всего 17. Но грамматика у меня хромала, и я, урожденная австрийка, стала получать колы! И сказала – да идите вы! Пришел проректор по учебной работе, грозил отчислением. А я к тому времени уже вышла замуж, работала в Университете. Так и ушла с иняза, и меня сразу приняли на работу старшим бухгалтером в КазГУ.

Я пришла к проректору заочного и вечернего отделения:

«Ты меня примешь на экономический факультет, если переведусь?»

«Ну, конечно, какой разговор!»

Так я перешла сразу на второй курс экономического факультета, закончила его в 1959 году, и потом работала в проблемной лаборатории экономистом. Затем лаборатории объединились с научно-исследовательской частью института. Там проработала до 1980 года, и ушла на пенсию ведущим экономистом университета. До сих пор меня приглашают на все праздники, да и материально поддерживают...

Тереза дожила до 70 лет, всю жизнь преподавала немецкий язык. К ней, уже совсем старой, часто приходили бывшие ученики – русские, казахи, и благодарили за полученные знания.

Иоганн так до конца жизни и не выучил русский. Например, рыбалку он называл «рыба-палка». «Поедем на река Или, где рыба-палка!»

Я узнавала у специалистов, что значит фамилия Гаунгольтер. Мне ответили, что фамилия древняя, знатного рода, и переводится как «повелевающая рука», или «наказывающий и повелевающий»...

Мы молчали, совершенно потрясенные. С пожелтевших фотографий улыбался крепкий усатый человек - мой прадед Иоганн Гаунгольтер.

ДОМОЙ!..

Наступил день отъезда. Несмотря на все наши уговоры, бабушка вызвалась провожать нас до вокзала. Приближался сентябрь, и даже в южной столице Казахстана чувствовалось дыхание осени. Но розы у памятника Аблай Хану цвели по-прежнему, и бабушка Эрна, зная любовь моей мамы к алма-атинским розам, смело выкопала два кустика прямо на глазах у полиции.

Последние дни я все больше восхищался своей вновь обретенной бабушкой - ее умом, твердостью характера, силой и подвижностью, удивительными для 80-ти лет. Но главное - я был очень благодарен бабушке Эрне за открытую мне историю моих предков. К тому же бабушка сказала, что я очень похож на Иоганна – такой же непоседа-путешественник.

Вскоре к платформе подошел поезд "Алматы-Петропавловск", небесно-голубой, как и все казахские поезда. Бабушка Эрна трижды поцеловала каждого из нас на прощание, махнула рукой, и, не дожидаясь отправления, развернулась и скрылась в людской толчее.

В Петропавловске мы планировали взять билет до Москвы на любой проходящий поезд – из Алматы до Москвы билетов не было до середины сентября. Двое суток в поезде мы спали или смотрели в окно на бескрайнюю желтую равнину, имя которой – Казахстан.

В Петропавловск прибыли поздно вечером, и мы тут же побежали к кассам, где уже стояли огромные очереди. На вокзале царил столпотворение, люди всех национальностей кричали, разговаривали, торговали, укладывали детей спать, и при этом весь этот Вавилон явно собирался ехать в Москву.

Разумеется, до Москвы билетов не было. И тогда я взял три билета до Омска. Девушки

сначала обрадовались, увидев у меня в руках заветные желтые листочки, но когда я сказал, что через час мы уезжаем в Омск... Лида, по-видимому, плохо себе представляла, где этот самый Омск находится, зато Наталья представляла прекрасно.

- Ты совсем идиот, да? – кричала моя жена. – Может быть, сразу во Владивосток поедem, по следам твоего прадеда? Мне в институт надо к первому сентября!

- Наташ, успокойся! – убеждал я девушку, ловя на себе изумленные взгляды казахов, - поверь географу, Омск на параллельной трассе, на Транссибе, там больше поездов проходит, оттуда мы точно уедем...

- Куда уедем? Не дури мне голову! Омск в противоположной от Москвы стороне!

Я так и не смог убедить жену в правильности своего решения, и мне оставалось лишь молиться, чтобы моя идея с пересадкой в Омске не оказалась очередной авантюрой. Всю дорогу до Омска, в битком набитом общем вагоне, Наталья смотрела на меня так, словно мы и правда едем во Владивосток.

К моему счастью, в Омске мы легко взяли билеты до Москвы, и в ожидании поезда устроились на рюкзаках в уголке вокзала. Время тянулось медленно, и я задремал. Через некоторое время, открыв глаза, я увидел двух стражей порядка, направляющихся в нашу сторону. Внутри все привычно похолодело, и я судорожно начал доставать из кармана свой злополучный паспорт. И тут произошло чудо – милиционеры прошли мимо, даже не посмотрев на нас, и попросили предъявить документы казахов, которые с мрачными лицами сидели на клетчатых сумках. Через несколько минут казахи обреченно проследовали в отделение милиции, волоча свои баулы.

И тогда я понял, что вернулся на Родину...